

Юрий Вагин

Тифоанализ

*Теория влечения
к смерти*

Юрий Вагин

**Тифоанализ. Теория
влечения к смерти**

«Издательские решения»

Вагин Ю.

Тифоанализ. Теория влечения к смерти / Ю. Вагин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905500-2

Монография кандидата медицинских наук Юрия Вагина посвящена теоретическим и практическим аспектам влечения к смерти в норме и патологии (авитальная активность). Автор предлагает монистическую теорию первичных влечений, основанную на влечении к смерти, и рассматривает различные формы авитальной активности (суицидальное и парасуицидальное поведение) как результат неудовлетворенности влечения к смерти в процессе естественной жизни. Адресовано работникам медицины, образования, психологам.

ISBN 978-5-44-905500-2

© Вагин Ю.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Конспект тифоаналитической теории	9
Определение позиции	12
Предрассудки мировосприятия	16
Определение понятий	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Тифоанализ

Теория влечения к смерти

Юрий Вагин

© Юрий Вагин, 2018

ISBN 978-5-4490-5500-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юрий Вагин

Тифоанализ

(теория влечения к смерти)

Пермь 2003

Рецензенты

Л. Я. Дорфман, д-р психол. наук, проф., зав. каф. психологии Перм. ин-та искусств и культуры

Вагин Ю. Р. Тифоанализ (теория влечения к смерти). – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2003. – 220 с.

Монография научного руководителя Пермского образовательного научно-исследовательского центра авитальной активности, кандидата медицинских наук Ю. Р. Вагина посвящена теоретическим и практическим аспектам влечения к смерти в норме и патологии (авитальная активность). Автор предлагает монистическую теорию первичных влечений, основанную на влечении к смерти и рассматривает различные формы авитальной активности (суицидальное и парасуицидальное поведение) как результат неудовлетворения влечения к смерти в процессе естественной жизни (хронического умирания). Адресовано работникам медицины, образования, психологам.

Научное издание

Юрий Робертович Вагин

Введение

Однажды моя пациентка во время сеанса попросила меня обрисовать, если это возможно, общую картину устройства человеческой психики. На подвернувшемся листе бумаги я стал рисовать ей пирамидку сознательных и бессознательных слоев психики, попутно объясняя, за что каждый из них отвечает и как они взаимосвязаны между собой. Пациентка очень внимательно все выслушала, помолчала и с невинным видом заявила: «Что ж, доктор, теперь я знаю, как *по вашему мнению* устроена человеческая психика».

Я несколько растерялся, потому что, собственно, был уверен, что рассказываю, как *на самом деле* устроена психика. И замечание пациентки меня даже несколько обидело, потому что мне показалось, что она тем самым хочет сказать, что все, что я рассказываю, есть всего лишь *моя* точка зрения. Но, в конце концов, позже подумал я, насколько же она права.

Более пятнадцати лет практически каждый день я работаю с живыми людьми, которые ждут от меня повышения качества их жизни. Все, что я вижу, и все, о чем буду рассказывать, базируется на моей практике. Количество сеансов, которые я провожу в течение дня, к сожалению, слишком велико (или я слишком ленив), чтобы я успевал их подробно стенографировать, и поэтому в данной работе я часто буду лишен возможности подробно проиллюстрировать свои теоретические выводы клиническими наблюдениями. Фетишизму я явно предпочитаю вуайеризм. Наблюдать за живыми пациентами мне намного интереснее, чем оформлять их в рамки клинических случаев, историй болезни, протоколов и эпикризов. Сколько раз во время сеанса я «кусал себе локти» только потому, что не имел возможности записать все то, что рассказывал мне пациент. Сколько живых фактов, примеров я потерял. Но, может быть, оно и к лучшему: такая ситуация привела к тому, что я технически был лишен возможности увязнуть в бесконечной красоте конкретных клинических случаев. Час за часом, день за днем, год за годом они наслаивались один на другой, образуя все более устойчивые теоретические структуры, далеко выходящие за рамки тех конструктов, с которыми я сталкивался в литературе. Все это привело, в конце концов, к формированию того своеобразного видения, своеобразного понимания функционирования человеческой психики в норме и патологии и к своеобразной технике, которую мы здесь будем называть тифоанализом и которая помогает мне работать с пациентами, страдающими авитальной активностью.

Можно ли назвать это своеобразное видение и понимание теорией? Наверное, да, если не забывать, что древнее орфическое понятие «теория» имеет общий корень со словом «оргия», которое означает «страстное и сочувственное созерцание». Страстное и сочувственное созерцание Бога (теорию) Пифагор позже стал понимать как интеллектуальное созерцание проявлений божественной мудрости в математике и геометрии. Благодаря ему это слово приобрело современное значение. Бертран Рассел писал, что для тех, кто плохо и мало изучал математику в школе, это может показаться странным, но для тех, кто был вдохновлен Пифагором и испытал опьяняющую радость неожиданного понимания, оно навсегда сохранило в себе элемент экстатического откровения¹. Воистину так.

Мой давний и откровенный интерес к влечению к смерти и суицидологии – территории, посещать которую рискуют далеко не все, – многим кажется несколько странным. Я не хочу оправдываться и прикрывать свой интерес альтруистическими одеждами. Я не скрываю, что мой интерес продиктован мотивами исключительно личного плана. Я не ставлю перед собой задач, решение которых могло бы каким-то образом исказить объективную картину, заставляя искусственно вырывать из живой плоти феномена наиболее ценные с конъюнктурной точки зрения куски.

¹ Рассел Б. История западной философии: В 3 кн./ Пер. с англ. – СПб., 2001. – С.69.

Когда мне было десять лет, в магазинах еще не было тех замечательных мозаик, которые продают сейчас везде. Помню, что я брал простую открытку, разрезал ее по квадратным сантиметрам, перемешивал и затем собирал иглой назад. Думаю, что мне уже тогда доставляло удовольствие произвольно творить из порядка хаос и из хаоса – порядок. Изучение феномена авитальной активности, влечения к смерти и самоубийства напоминает мне (так любимое мною в детстве) кропотливое составление сложной мозаики, в которой нет и не может быть ни одного лишнего компонента. Я знаю, что в хаосе самоуничтожения был и есть порядок, и я согласен с Камю: есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства, и «решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии»², а все остальное – второстепенно.

Так получилось, что теория, с которой нам с вами предстоит познакомиться, имеет наибольшее количество точек совпадения с теоретическими картинами школ Фрейда и Юнга, что собственно и отражено в ее названии. Фрейд называл свою теорию психоанализом, а Юнг всю жизнь занимался глубинной психологией, или тифопсихологией³. Портреты этих двух людей висят передо мной на стене кабинета. Я мыслю, говорю и пишу на языке глубинной психологии, формально не являясь ни психоаналитиком, ни юнгианским аналитиком. Признаюсь, я очень долго испытывал чувство ущербности из-за отсутствия у себя академического психотерапевтического образования, не говоря уже об аналитическом образовании или таких сакральных вещах, как учебный анализ. Поэтому, излагая теоретические аспекты тифоанализа и авитальной активности, я легко могу попасть в положение турецкого астронома из «Маленького принца» Сент-Экзюпери, который открыл новую планету и попытался доложить об этом на заседании европейских ученых, будучи одет в национальную одежду. Никто не воспринял его доклад серьезно, потому что он был не так одет. Когда через год он выступил с тем же докладом, но уже в европейской одежде, его выслушали с большим уважением, и открытие было всеми признано.

Возможно, с ортодоксальной точки зрения предосудительно и то, что, пытаясь самостоятельно воспринять красоту и изящество мозаичных психоаналитических и глубинно-психологических полотен человеческой психики и дополнить их деталями из своей практики, я, может быть, приложил слишком много усилий. Я всегда честно пытался примерять наблюдаемые мною феномены не только к известным и широко демонстрируемым теоретическим полотнам, но и к тем из них, которые хранятся глубоко в запасниках и крайне редко выставляются на всеобщее обозрение. К такому непопулярному полотну в первую очередь относится теория влечения к смерти Фрейда. Психоаналитики так же стесняются упоминать ее, как издавать неприличные звуки в обществе. Однако мне эта теория помогала работать. Очень долго она оптимальным образом объясняла мне максимальное количество фактов. В конце концов, она помогала мне зарабатывать деньги. У меня никогда не возникало осознанного желания или мысли разрушить ее. И все же это произошло. Это вышло естественно и спонтанно. Однажды, когда я пытался вставить очередной кусочек своего страстного и сочувственного созерцания в мозаику классической теории влечения к смерти, стараясь всего лишь дополнить ее, неожиданно для меня она распалась, и вся мозаика сложилась совершенно иным образом. Она была, разумеется, на 99 процентов составлена из прежних кусочков, но уже по-другому, и образовывала новую систему, претендующую на большую, нежели прежняя, стройность и красоту (разумеется, с моей точки зрения).

Неумышленность произошедшего, пожалуй, одна из основных точек опоры, которая позволяет мне сопротивляться желанию поставить себе диагноз паранойяльного расстройства.

² Камю А. Миф о Сизифе. В кн.: Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство/Пер. с фр. – М., 1990. – С.24.

³ Тифон – в греческой мифологии стоглавое огнедышащее чудовище, которое Зевс он после победы над ним придавил горой Этной, откуда это чудовище периодически извергает столбы дыма и пламени.

Когда я понял, что дуалистическая теория Фрейда, постулирующая антагонизм между влечением к жизни и влечением к смерти неверна, и, что самое плохое, неверна не в том месте, где постулируется возможность существования в человеке влечения к смерти (оно-то как раз есть), а в том месте, где постулируется существование влечения к жизни и либидо, у меня возникло труднопреодолимое желание забыть раз и навсегда все, что я понял. Но любопытство пересилило. В результате изучения психоанализа и аналитической психологии, более того – практической работы в качестве аналитического психотерапевта, прийти к заключению, что либидо не существует – это очень необычно. Я понимаю, что это может значить. И все же я убежден, что это так и буду настаивать на этом далее. Я не могу не видеть, что психоанализ, к сожалению, имеет незавидное настоящее, и теперь понимаю, что без существенных изменений в теоретическом фундаменте он будет иметь печальное будущее.

Конспект тифоаналитической теории

Конспект этот писался не до и не после, а во время работы, постоянно менялся и, видимо, будет меняться и далее вместе с ней. Работа естественным образом влияла на него, а он естественным образом влиял на работу. Я благодарен этому конспекту и не вижу причины, по которой мне нельзя было бы начать именно с него, предварив таким образом весь ход дальнейших наблюдений и рассуждений.

Итак:

1. В конце XIX века структурная психология дополнилась психодинамической теорией Фрейда, а интроспективное и экспериментальное изучение структур сознания дополнилось психоаналитическими методами изучения бессознательного и влечений.

2. Для изучения сознательных и бессознательных структур психики (Оно, Я, Сверх-Я), механизмов психики (вытеснение, сублимация, смещение и т.д.) и первичных влечений психоанализ предложил метапсихологический подход (динамический, топический и экономический).

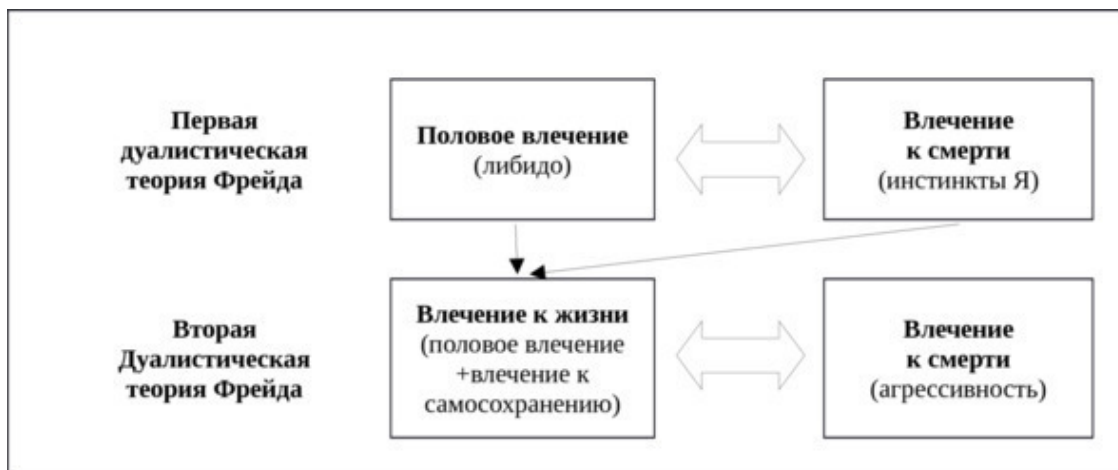
3. Первичные влечения были выделены из множества влечений, описанных на тот момент в рамках философии и психологии. В первой теории сексуальное влечение (либидо) было противопоставлено влечению самосохранения. Во второй влечение к жизни (Эрос) было противопоставлено влечению к смерти (Танатос). Сексуальное влечение (либидо) – краеугольный камень обеих теорий.

4. В это время Юнг и его последователи (аналитическая психология) изучают преимущественно глубинные структуры бессознательного (архетипы) и Юнг склоняется к монистической теории влечений, десекуализируя либидо и рассматривая его как эквивалент психической энергии вообще. Фрейд за весь период своего творчества пять раз сталкивался с необходимостью постулировать монистическую теорию влечений, но до конца своих дней сохранял верность дуалистической теории, хотя и был вынужден кардинальным образом трансформировать ее.

5. Создание второй дуалистической теории первичных влечений Фрейд мотивирует необходимостью объяснить с помощью принципа удовольствия необъяснимый иначе феномен навязчивого повторения неприятных (травматических) переживаний, сексуальных извращений (в первую очередь мазохизма) и нарциссизма.

6. Взгляд «по ту сторону принципа удовольствия» приводит его к предположению о наличии у человека влечения к смерти, которое Фрейд и его последователи отождествляют далее с агрессивностью и деструктивностью настолько, что понятия «влечение к смерти» и «агрессивный инстинкт» становятся практически синонимами.

7. В конечном варианте дуалистической теории влечений влечение к жизни, противопоставленное влечению к смерти, включило в себя половое влечение (либидо) и влечение к самосохранению, ранее противопоставляемое либидо.

8. Вторая дуалистическая теория сразу же подверглась эмоциональной критике (возрастные изменения личности Фрейда, пессимистическое влияние войны и смерти близких людей, желание Фрейда создать противовес монистической теории либидо Юнга) и конструктивной критике (не удалось описать источники энергии, развитие, цели и объекты влечения к смерти и влечения к самосохранению).

9. На сегодняшний день многие аналитики признают существование агрессивного и сексуального влечения, но отвергают обоснованность существования влечения к смерти. Большинство исследователей переключилось вслед за Анной Фрейд на изучение структур и механизмов функционирования Я (эго-психология), зачастую постулируя наличие у него автономной энергии (вслед за Гордоном Олпортом).

10. Постулат автономной энергии структур Я привел к бурному расцвету гуманистической психологии с антропными идеями саморазвития, самоактуализации и независимости «высших» мотивов от «низших».

11. Отрыв от биологических основ функционирования психики быстро привел большинство этих теорий к антропоцентризму, психофизическому параллелизму и тесному переплетению со старыми религиозно-философскими идеалистическими системами (третья и четвертая волна в психологии).

12. В это время психоаналитическая теория в том виде, как она была сформулирована Фрейдом, переживает состояние серьезного кризиса. Она все более начинает восприниматься не столько как научный и клинический, сколько как культурно-исторический фундамент. Психоанализ как теория начинает явно утрачивать ведущую позицию в интерпретации функционирования человеческой психики в норме и патологии.

13. Не только для своего дальнейшего развития, но и для своего существования психоаналитическая теория нуждается в фундаментальном пересмотре. В первую очередь это касается ее главной опоры – теории влечений. Ошибки, уже допущенные однажды при формулировке первой дуалистической теории влечений, привели позднее Фрейда к необходимости замены фундамента психоаналитической теории. Существенная ошибка, допущенная Фрейдом во второй дуалистической теории, делает невозможным дальнейшее развитие психоаналитической теории, угрожая устойчивости всего здания современного психоанализа.

*

14. Ошибка Фрейда заключается не в том, в чем его чаще всего обвиняют, не в том, что он постулировал наличие влечения к смерти (тут он как раз прав), а в том, что он:

а) предполагал наличие влечения к жизни у человека и любой другой живой системы;

б) противопоставил влечение к жизни и влечение к смерти в рамках дуалистической системы первичных влечений;

в) рассмотрел *систему (механизм)* сексуального инстинкта как самостоятельное первичное сексуальное *влечение* (либидо);

г) рассмотрел *систему (механизм)* инстинкта хронификации жизни как самостоятельное первичное *влечение* самосохранения;

д) объединил эти две системы (механизмы) в рамках влечения к жизни;

е) отождествил *влечение* к смерти с *механизмами* инстинкта хронификации жизни: агрессивностью и деструктивностью.

*

14. С точки зрения тифоаналитической теории у человека существует лишь одно первичное влечение – *влечение к смерти*. Таким образом, тифоаналитическая теория является монистической и постулирует следующие положения:

а) тенденцией (влечением) к жизни обладает лишь неорганическая материя, которая при определенных условиях неизбежно и закономерно образует жизнь как одну из форм своего существования;

б) человек, равно как и любая другая форма жизни, не обладает влечением к жизни;

в) человек, равно как и любая другая форма жизни, обладает лишь влечением к смерти;

г) жизнь есть процесс хронического умирания, побуждаемый влечением к смерти и ограничиваемый системой хронификации жизни;

д) система хронификации жизни (так называемый инстинкт самосохранения), усиливая локально напряжение в организме (воспринимаемое на психологическом уровне как неудовольствие, боль и страх), ограничивает стремление живой системы к смерти, заставляя «каждый организм умирать по-своему», но не является при этом самостоятельным или компонентным влечением;

е) основные механизмы системы хронификации жизни – агрессия (включение в себя) и элиминация (исключение из себя);

ж) влечение к смерти (принцип удовольствия) и система хронификации жизни (принцип неудовольствия) с механизмами агрессии и элиминации образуют жизнь как вариант диссипативного гомеостатического процесса, подчиняющийся принципу реальности: получение максимума удовольствия при минимуме неудовольствия;

з) система сексуальности (сексуальный инстинкт) обеспечивающая репродукцию живых систем, занимает центральную позицию в процессе жизни, но не является самостоятельным или компонентным влечением (либидо как самостоятельного влечения не существует);

и) нарушение качества жизни (качества хронического умирания) связано с нарушением функционирования систем хронификации жизни и сексуальности;

к) нарушение качества жизни приводит к усилению влечения к смерти и перенапряжению системы хронификации жизни (усилению боли и страха, агрессии и элиминации);

л) повреждение системы хронификации жизни приводит к возникновению авитальной активности, направленной на сокращение и прекращение жизни (суицидальная и парасуицидальная активность);

м) профилактика и лечение авитальной активности заключается в нормализации функционирования системы хронификации жизни (развитие и восстановление механизмов агрессии и элиминации) и нормализации функционирования сексуальной системы в репродуктивный период.

Определение позиции

Поскольку я могу предположить, что критика тифоаналитической теории будет направлена в первую очередь не столько на саму теорию, сколько на наблюдателя, считаю необходимым с самого начала обозначить, стараясь быть максимально точным, свою позицию и свой взгляд. Потому что, если другой человек смотрит с принципиально иных позиций и принципиально иным образом, мне бы не хотелось убеждать его в своей правоте.

То, что мы будем рассматривать далее, очень напоминает психологическую анатомию и гистологию, коей глубинная психология⁴, тонко препарирующая внутренности человеческой психики, по своей сути и является. Поэтому мы называем такой подход тифоаналитическим. Я полагаю, что кому-то эти знания пригодятся. *Я не уверен*, что всем обязательно нужно знать, как устроена изнанка человеческой психики, как не уверен и в том, что всем нужно знать анатомическое устройство человеческих внутренностей.

Меня постоянно пытаются обвинить в том, что то, что я вижу и иногда пытаюсь показать другим, – ужасно, мрачно и беспросветно. Я с этим принципиально не согласен. Во-первых, эти оценки сугубо эстетические. Японцы находят, что хакакири – один из самых прекрасных, возвышенных и достойных способов смерти, а зрителей-европейцев в обморочном состоянии выносили с подобных церемониалов. Христиане рассматривают как возвышенную и прекрасную смерть Иисуса на кресте и даже носят ее изображение (часто как украшение) на шее. С точки зрения тех же японцев носить на шее изображение тела человека в момент его казни – тоже более чем странно. Дело вкуса. Сегодня моя пациентка, после того как я рассказал ей, что в реальной жизни бывают случаи, когда родители вступают со своими детьми в интимные отношения, обвинила меня в том, что тот мир, который я ей рисую, – мерзкий и грязный. Я же рассказал ей об этом лишь для того, чтобы всеобщностью скрасить неприятные ощущения от ее сновидения, в котором она наблюдала обнаженного отца с эрегированным фаллосом и свою сестру, заигрывающую с ним на глазах у матери. При этом «моя» картина мира все равно осталась для нее более мерзкой, чем картина ее собственного сновидения.

Во-вторых, даже если наша картина и не очень эстетична – что с того? Врач должен начинаться в малоэстетичном секционном зале, что нисколько не мешает ему любоваться красотой и совершенством человеческого тела. Психолог должен начинаться с безусловных рефлексов кольчатых червей, этологии и глубинной психологии, что нисколько не должно и не может помешать ему в дальнейшем любоваться красотой и изяществом человеческой личности.

То, что я вижу и хочу показать здесь, – это удивительная гармония устройства мироздания, жизни, человека и удивительная красота. В конце концов – это интересно.

*

Я вижу, что существует мир. То есть я допускаю, что мой субъективный образ мира является схемой объективно существующей реальности. При этом я мыслю себя частью мира и, независимо от своей воли, подчиняюсь его законам. Мой образ мира зависит от свойств мира, свойств моего мозга и направленности моего ассимиляционного процесса.

Я переживаю во времени своё бытие относительно бытия окружающего мира, правда, я не знаю наверняка, а лишь допускаю его объективность и независимость от меня. Я могу также, придерживаясь субъективно-идеалистических или солипсихических позиций, допустить, что «внешний» мир является порождением моей психики, но не могу доказать истинность ни того, ни другого допущения. Мне удобнее и проще жить, допуская объективность внешней

⁴ Фрейд в работе «По ту сторону принципа удовольствия» предлагал назвать такую психологию «тифопсихологией» (Tiefenpsychologie).

реальности – это все, что я могу с достаточной долей уверенности сказать. Другой человек, поскольку я уже допустил его независимое от меня существование, может переживать своё и моё бытие по-другому, если ему так удобнее.

Я вижу, что мир закономерен. Мир, который я воспринимаю, закономерен. Вернее, я воспринимаю лишь его закономерную часть. Я могу допустить существование мира, в котором отсутствует закономерность, но я его не воспринимаю. Всё, воспринимаемое мною в мире, взаимосвязано и в большей или меньшей степени предопределено. Поэтому я допускаю, что закономерность и предопределённость – внутреннее свойство мира. Я могу допустить существование управляющей и предопределяющей силы вне мира, как это делают другие люди, но мне удобнее и проще этого не делать. На вопрос: «Есть Бог или нет?» – я не могу дать ответ, но, спрашивая себя: «Зачем мне Бог?», я могу ответить в соответствии с моим настоящим состоянием: «Для понимания мира в целом и себя как части мира мне Бог не нужен». Или скажем проще: для понимания мира он мне нужен не больше, чем для понимания тех исключительно сложных процессов, которые происходят в кастрюльке, когда я варю в ней пельмени. Наблюдая за кипящей водой, я часто думаю, что мы мало чем отличаемся от пузырьков, которые возникают там при определенных условиях. Для этих пузырьков я, наверное, должен быть Богом, и мне всегда очень смешно, когда я пытаюсь представить себе, как эти пузырьки за миг своего существования пытаются постичь мироздание. Еще смешнее представлять, что они тоже могут мнить себя смыслом и центром мироздания.

Тем временем я вижу вокруг себя людей, которые без намека на улыбку считают, что они являются образом и подобием божьим и уверены, что Богу есть какое-то дело до них. Я вижу идею Бога в их субъективных схемах реальности, и эта идея полезна мне для объяснения их поведения, лечения и получения финансовых средств на ужин себе и своей семье, но для понимания мира идея Бога даёт мне не больше, чем идея закономерности мира.

При этом я допускаю, что в процессе старения, когда моя психическая активность снизится настолько, что я не смогу понимать и принимать мир так, как сейчас, мне самому понадобится идея Бога. Я вижу, что вера в Бога является возраст-зависимой характеристикой: чем больше возраст человека, тем легче и чаще я обнаруживаю в его голове идею Бога⁵. Я вижу, что с возрастом происходит распад умственных способностей. Я сам человек. Я старею. Возможно, что, однажды проснувшись, я обнаружу идею Бога и в своей голове. Поскольку после достижения зрелости я не допускаю для себя возможности поумнеть, то этот факт будет воспринят мною как еще один явный признак постепенного распада моей личности.

Я вижу, что мир структурирован и энергетичен. Мир, который я воспринимаю, не однороден. Поскольку я воспринимаю мир, я воспринимаю его как структуру, как фигуру, как гештальт, как конечное разнообразие. Неструктурированный мир не доступен моему восприятию.

Структурность мира, очевидно, связана с его энергетичностью. Я вижу, что изменение структуры мира связано с изменением энергии, а изменение энергии связано с изменением структуры. Чем сложнее структура мира, тем меньше энергии остаётся в свободном состоянии. Каждая структура связывает и несёт в себе энергию. Распад структуры приводит к освобождению энергии так же, как распад структуры ядра атома приводит к освобождению энергии, которая, изменяя в свою очередь структуру пространства вокруг, постепенно переходит в связанное состояние. Избыток свободной энергии приводит к процессу структурообразования, недостаток – к распаду структуры и высвобождению энергии.

⁵ Те, кто писали Тору, были прекрасными гештальт-психотерапевтами. Фрейд в «Мы и смерть» заметил, что когда у еврея спрашивают, сколько ему лет, он обычно бодро отвечает: «До ста двадцати осталось лет шестьдесят!». Я теперь знаю, в чем смысл нелепого начала родословной человечества: Адам жил девятьсот тридцать лет, Шет – девятьсот двенадцать лет, Энош – девятьсот пять и т. д. Чудесный фон для восприятия своих жалких шестидесяти-семидесяти лет. Чудесная гештальт-психотерапия.

Я вижу, что мир флюктуирует. Процессы перемещения энергии, структурообразования и структурораспада подвержены *флюктуации*, то есть периодическому колебанию.

Специалисты по макромиру полагают, что мы живём в галактике, образовавшейся путём взрыва (то есть скачкообразного перехода) некоей высокоструктурированной материи, чьи исчерпавшиеся возможности не смогли сдержать энергию, и она вырвалась наружу, приведя к образованию новых форм материи (частью которых является и наша солнечная система, и наша планета, и все мы). Расширяясь, галактика теряет свободную энергию и увеличивает свою структурность. Высказывается вполне разумное предположение, что по прошествии некоего времени Солнце, исчерпав свои возможности, погаснет. Если мы не научимся к тому времени каким-то образом компенсировать недостаток солнечной энергии, жизнь на Земле прекратится.

Процессы переструктурирования при изменении количества энергии закономерны. Они подчиняются внутренней логике бытия, они имманентны бытию, они периодичны. Мир, который я воспринимаю вокруг себя, флюктуирует и пульсирует, увеличивается и уменьшается, сворачивается и разворачивается, расширяется и сужается, вздымается и опадает. Наблюдая мир вокруг себя, над собой, внутри себя, я наблюдаю бесконечный процесс образования и распада структур.

Я вижу часть мира, которую называют жизнью. Наше рождение, жизнь и смерть – разновидности общего мирового закона, в соответствии с которым материя структурируется и деструктурируется, создается и разрушается, соединяется и распадается. Жизнь закономерна. Она структурна и энергетична. Она флюктуирует – её интенсивность периодически колеблется. Я предполагаю, что жизнь – одна из форм флюктуации бытия, приводящая к временному увеличению структурной организации материи и уменьшению количества свободной энергии. Я предполагаю, что смерть – другая сторона этой флюктуации, в процессе которой происходит деструктуризация и освобождение связанной ранее в живой структуре энергии. Жизнь является одной из временных форм организации бытия, которая возникает при комплексе условий, включающих в себя определённый уровень свободной энергии и предполагающая наличие определённых химических элементов. Возможно, что жизнь существует для структурной связи свободной энергии и уменьшения напряжения в локальном участке мира. В этом её цель и смысл.

Если бы бытие обладало чувствительностью и эмоциями, если бы космос был одушевлённым (как его воспринимали древние греки), усиление напряжения в его локальном участке, несомненно, сопровождалось бы чувством неудовольствия, боли и стремлением избавиться от этого напряжения. И мы, на самом деле, видим, что мир ведёт себя именно подобным образом: бытие постоянно создаёт и разрушает структуры, связывая и отдавая свободную энергию. Живое – одна из таких диссипативных структур.

Бытие, порождающее жизнь, возможно, каждый раз испытывает такое же облегчение, как и мать, разрешившаяся от бремени. Сама новорожденная жизнь в начале структурирования испытывает мощное чувство напряжения и неудовольствия из-за собственной нестабильности и гигантской разницы потенциалов, которая неминуемым образом притягивает к структурообразующему центру жизни огромное количество вещества. Два генетических носителя (яйцеклетка и сперматозоид), соединившись вместе, начинают действовать как смерч, как чёрная дыра, которая засасывает в себя гигантское количество вещества из окружающего мира вплоть до момента, когда разница потенциалов выровняется и сформированная система не начнёт постепенно распадаться.

Эволюция жизни – это процесс образования различных систем, перерабатывающих различное количество неорганической материи в органическую. Возвращение назад и переход в неорганическую материю для органической возможен только тогда, когда она создаст себе

взамен другую или другие системы и тщательно проследит, чтобы они хорошо и самостоятельно функционировали.

С самого момента зачатия, когда два комочка вещества, которые мы называем половыми клетками, соединяются друг с другом помимо нашего субъективного желания, мы влекомы к смерти, к максимально уравновешенному состоянию. В процессе этого движения к смерти внутри нас периодически создаётся напряжение, побуждающее нас к созданию условий для соединения половых клеток и продолжения жизни после нашей смерти. Эти соединившиеся половые клетки мы часто справедливо называем смыслом нашей жизни.

Когда природа создавала нас и вкладывала программу жизнеобеспечения, она позаботилась лишь о том, чтобы установить постоянную «разницу напряжения» между чувством удовольствия и чувством неудовольствия. Мы стремимся к снижению напряжения и удовольствию и всеми силами бежим от усиления напряжения и неудовольствия. Этот закон Фрейд положил в основу психоаналитической теории.

Самоструктуризация и порождение новой жизни – смысл жизни. Удовольствие, сопровождающее движение к смерти, – единственная компенсация за те страдания, которые мы испытываем на жизненном пути в связи с заложенной в нас системой хронификации жизни. Эта система, которую мы наивно называем инстинктом самосохранения, на самом деле с помощью двух нехитрых приспособлений – страха и боли – не дает нам максимально быстро достигнуть максимального удовольствия и вернуться в неорганическое состояние путем «короткого замыкания». В этот естественный процесс никак не вписывается ни влечение к жизни, ни влечение к сохранению жизни. Мы не обладаем влечением к жизни. Влечением к жизни обладает лишь неорганическая материя. Жизненный вектор органической материи имеет лишь одно направление – от точки зачатия к смерти. Интересно, как еще иначе можно назвать влечение, которому соответствует этот вектор, кроме как влечением к смерти? Что такого ужасного, мрачного и бесперспективного в том, что наша жизнь подчинена влечению к смерти и только движение в этом направлении наполняет нашу жизнь удовольствием?

С моей точки зрения жизнь очень напоминает поездку по американским (русским) горкам. Мы поднимаемся сначала на максимальную высоту, садимся в вагончик и, замирая от страха и удовольствия, стремительно несемся вниз – туда, откуда когда-то и началось наше путешествие. Удовольствие, получаемое при этом, и есть смысл путешествия. Это путешествие, как и сама жизнь, должно быть не очень медленным и не очень быстрым. Важно также проследить, чтобы в начале поездки неумный распорядитель (родитель, учитель) не внушил человеку, что во время поездки обязательно нужно класть ногу под колесо или смотреть только на солнце или тому подобные глупости. Только человек, который так и поступит, будет иметь весомые основания заявлять, что поездка (жизнь) не приносит ему удовольствия и что он всю поездку (жизнь) страдал. И мы не удивимся если ему придет в голову вполне разумная мысль: прекратить мучения и выпрыгнуть из вагончика, не дожидаясь конца пути.

Всегда, когда ко мне приходит пациент, который говорит, что жизнь не приносит ему удовольствия, что ему не хорошо, что он страдает, я знаю – в этом виновата не жизнь. Наша жизнь устроена так, что просто обязана приносить нам хроническое удовольствие. Виноват тот способ, с помощью которого пациент пытается ехать по жизни и тот, кто научил его этому способу, а моя задача найти ту «ногу», которую пациент «засунул под колесо» и помочь достать ее оттуда. Мало заменить невротическое страдание обычной человеческой болью, необходимо вернуть человеку радость хронического умирания, которое мы привычно называем жизнью.

Предрассудки мировосприятия

Поскольку мы далее будем обсуждать феномены, в значительной степени выходящие за пределы нашего привычного мировосприятия – влечение к смерти, авитальную активность, систему хронификации жизни и ее механизмы, – нам необходимо сконцентрировать всю свою энергию для принятия, удержания и закрепления новой позиции. Против нее восстает наше привычное мышление, наши знания, эмоции, но без нее невозможно адекватно понять проблемы как нормального, так и патологического функционирования психики.

Попытаемся представить себя в положении людей, обладающих органами чувств (коим они привыкли доверять), вынужденных вдруг поверить, что маленькое Солнце, которое, *очевидно*, вращается вокруг большой Земли, на самом деле является огромным огненным шаром, вокруг которого вращается маленький шарик Земли. Это очень сложно. Это никогда не получается сразу. Что с того, что более двух тысяч лет тому назад Аристарх Самосский доказал, что Земля – это шар, вращающийся вокруг Солнца? Ни античность, ни средневековье не признали его. Это знание никому не мешало ещё восемнадцать столетий верить в обратное.

Шопенгауэр в трактате «Мир как воля и представление» писал, что «скорее совы и летучие мыши спугнут солнце обратно к востоку, чем познанная истина, выраженная с полной ясностью, снова подвергнется изгнанию, чтобы старое заблуждение опять невозбранно заняло свое просторное место»⁶. Если рассматривать историю человечества с этих позиций, то наше солнце, не останавливаясь, катится на восток, и, как бы в насмешку над великим трудом философа, большая часть его книг пошла после издания в макулатуру.

Огромное количество людей до сих пор верили и верят, что они – единственные из всех живых существ созданы по образу и подобию Бога. Не меньшее количество людей, включая преподавателей биологии, *верят*, что эту веру разрушил Чарльз Дарвин, доказавший происхождение человека от обезьяны. И то, и другое – всего лишь традиции мировосприятия и вера. На самом деле Дарвин в работе «Происхождение видов путем естественного отбора», вышедшей в 1859 году, ничего не говорит о происхождении человека из обезьяны. Этот вывод спустя три года сделал Фохт, затем почти одновременно Гексли и Геккель. Книги Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» и «О выражении эмоций у человека и животных» появились лишь через 12 лет.

Фохт, более известный российскому читателю в компании с Бюхнером и Молешоттом как «вульгарный материалист», поскольку утверждал, что мозг продуцирует мысль так же, как печень – желчь, прочитал в 1862 и опубликовал в 1863 году «Лекции о человеке, его месте в мироздании и в истории Земли». В них, сравнивая анатомию человека и обезьяны, Фохт резюмирует: «...согласно ли с данными науки выведение человека от типа обезьян? Отрывочные данные, имеющиеся в настоящее время для будущей постройки моста, который должен быть перекинут через пропасть, отделяющую людей от обезьян, вам уже известны... Человек является... не особенным каким-то созданием, сотворенным совершенно иначе, нежели остальные животные, а просто высшим продуктом прогрессивного отбора животных родителей, получившимся из ближайшей к нему группы животных»⁷. Тактичный Фохт отмечает здесь же, что Дарвин о происхождении человека от обезьяны не сказал лишь из-за консерватизма Англии. Но факт остается фактом – не сказал.

Еще через год, в 1863 г., выходит книга Томаса Генри Гексли «Человек и место его в природе», в которой показано, что горилла стоит ближе к человеку, чем даже к большинству дру-

⁶ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление: Собр. соч.– Т.1.– С. 56.

⁷ цит. по Поршневу Б. Ф. О начале человеческой истории (Основы палеопсихологии).– М., 1974.

гих обезьян. В том же году на съезде врачей и естествоиспытателей с докладом об этапах эволюции человека от древнейших приматов выступает Геккель.

Таким образом, хотя происхождение человека от других животных доказал не Дарвин, следует все же заметить, что органическая клетка на сегодняшний день имеет больше оснований гордиться своим божественным происхождением, ибо оно точно не известно и оставляет место для фантазий, а происхождение человека от обезьяны – хорошо доказанный научный факт. Правда, этот научный факт совершенно не мешает основной массе человеческих индивидов продолжать верить в Бога и строить на этом основании различные забавные теории Богоизбранности, Богочеловека, Человекобога и тому подобные. Факт существования ископаемых животных в Земле креационисты⁸, например, объясняют желанием Бога «запутать» будущих исследователей. Создавая мир за семь дней, Бог, оказывается, предусмотрительно вложил в земные породы все ископаемые виды животных. Более здравомыслящие креационисты не спорят с эволюционистами и даже соглашаются с тем, что человек был создан Богом из обезьяны, но ведь создан Богом, – говорят они, а что касается времени акта творения, так то, что на часах Бога семь дней, то на земных часах миллионы лет, и то, что для человека обезьяна, для Господа – прах земной.

Французский просветитель восемнадцатого века Кондорсе в «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» наивно изобразил историческое развитие человечества в виде бесконечного прогресса, обусловленного внешней природой, культурными достижениями и взаимодействием людей. Он очень досадил всему прогрессивному человечеству и, можно сказать, сам малодушно опроверг своё учение, «бессовестным образом» покончив жизнь самоубийством в тот момент, когда «прогрессивное человечество» собиралось его самым прогрессивным и культурным способом гильотинировать. Как откровенно писал в биографии Робеспьера советский историк Левандовский: «Под грохот сражений и стук гильотины шёл непрерывный процесс созидания»⁹. Если и может быть среди этого «прогрессивного» грохота и стука самое глубокое заблуждение – так это то, что наши истины кому-нибудь *очень* нужны. Те знаменитые сто книг, которые следует иметь в своей библиотеке и в которых умещается вся мудрость человечества, всегда безошибочно оказываются во всех кострах, которые жжёт толпа, подогревая свои революционные порывы и свято веря неважно во что...

*

Мы очень долго верили в уникальность собственной разумности. Декарт, *cogito ergo sum* и т. п. Последними «нехорошими» людьми, которые разбили и эту веру, отказавшись от идеи «чистого разума», доказав, что большая часть психической деятельности обусловлена биологическими влечениями и протекает за пределами сознания, были Зигмунд Фрейд и Карл Густав Юнг. Не Фрейд и не Юнг, разумеется, были первыми, кто указал на факт существования бессознательного¹⁰, но они – те два бесстрашных капитана, которые со своими командами совершили «кругосветное путешествие» вокруг мозга, вернее сказать, сквозь мозг. Они начали с биологических основ индивидуальной психики – влечений (Фрейд), прошли её насквозь и вышли с другой стороны на её биологическую же коллективную структурную основу – архетипы (Юнг).

Кризис человеческого самопознания, о котором открыто заговорили сейчас многие философы и психологи, а более проницательные сумели предчувствовать ещё в конце семна-

⁸ Креационизм – теория, доказывающая создание мира и человека Богом.

⁹ Левандовский А. Максимилиан Робеспьер. – М., 1959. – С. 49.

¹⁰ Эдуард Гартман еще в 1869 году в работе «Философия бессознательного» писал: «горе тому человеку, который преувеличивая цену сознательно-разумного и желая исключительно поддержать его значение, насильственно подавляет бессознательное».

дцатого века¹¹, есть следствие именно этого «путешествия» в глубины психики. Никто не спорит, что психика человека не познана полностью. Но та особая эйфория её избранности, эйфория безграничных возможностей человеческой психики, характерная для мыслителей античности, эпохи Возрождения, сменилась настоящим шоком возможной *конечности познания человеческого разума* и возможной *познавательной конечности человеческого разума*. Человек больше не представляется нам уникальным и непознаваемым микрокосмосом, который может вместить в себе Вселенную. Человек конечен и ограничен, а следовательно – познаваем. Даже вооружившись электронным микроскопом и самым мощным телескопом, мы недалеко уйдем от того платоновского человека, способного воспринять лишь пляску теней на стене своей пещеры.

Три плоскости изучения человеческой психики (индивидуальное сознание, индивидуальное бессознательное и коллективное бессознательное – объективная психика) обозначены, и уже многим понятно, что в психике ничего кроме этого и нет. Идея избранности, инакости, особенности человека, согревающая на протяжении тысячелетий сердца миллиардов людей на Земле, рушится на наших глазах. Оказалось, что человека можно изучать точно так же, как пчелу или лягушку. Человек познаваем. Психика человека познаваема. Компьютер обыграл человека в шахматы.

Индивидуальное сознание, индивидуальное бессознательное и коллективное бессознательное (объективная психика) составляют личность, и более в ней нет ничего. Наше индивидуальное сознание организует жизнедеятельность таким образом, чтобы обеспечить удовлетворение наших насущных потребностей в условиях окружающей действительности. Для этого оно использует модели поведения, выработанные в процессе индивидуального существования и хранящиеся в индивидуальном бессознательном. Врождённая объективная психика, независимо от индивидуального опыта, незаметно для нас организует всё наше восприятие, мышление и поведение так же, как врождённая модель гнезда организует индивидуальное гнездостроительное поведение птицы. Палочки и веточки, мох и пух для постройки гнезда птица берёт из окружающей среды, но складывает их в единое целое по той модели, которая изначально уже заложена в структуре её психики.

Процесс развития науки (который часто сравнивают с захватом многоэтажного дома, когда часть учёных совершает прорыв на следующий этаж, а часть последовательно занимает комнаты уже захваченных этажей) привёл к неприятному осознанию, что мы уже забрались на самую крышу и дальше двигаться некуда. Как пишет Роберт Антон Уилсон в работе, посвящённой квантовой психологии, «в нашем столетии человеческая нервная система обнаружила и свой созидательный потенциал, и свои собственные границы»¹².

Выше индивидуального сознания – только мёртвая материя, фиксирующая следы нашей психической деятельности, например, лист папируса или бумаги. Ниже – биологическая, хоть и живая, но бездушная органическая материя, фиксирующая и передающая следы, на основании которых строится всё функционирование нашей психики. Поломка самой незначительной «платы» в этой системе – и от нашей гордости самосознания не останется и следа. При переходе на молекулярный, субмолекулярный и субатомный уровни исследование психических и личностных особенностей утрачивает смысл: там нет нашей психики. Урна с пеплом мозга Эйнштейна поможет нам понять законы функционирования психики не больше, чем урна с пеплом мозга олигофрена. «Более глубокие слои души утрачивают свою индивидуальную неповторимость, по мере того как всё дальше и дальше отступают во мрак. Опускаясь всё ниже и приближаясь к уровню автономно функционирующих систем, они приобретают всё

¹¹ Душа не находит в себе никакого удовлетворения. Всякий взгляд внутрь себя приносит ей огорчение. Это принуждает её искать утешение вне себя, привязывает к предметам внешним, чтобы всячески изгладить мысль о своём действительном положении (Блез Паскаль).

¹² Уилсон Р. А. Квантовая психология. – М., 1999. – С. 51.

более коллективный и универсальный характер, пока окончательно не угасают в материальности тела, то есть в химических субстанциях... Следовательно, „на самом дне“ душа суть просто „Вселенная“»¹³, – этот факт хорошо понял в начале двадцатого века Юнг. Неудивительно, что в последнее время исследования законов человеческой психики и исследования законов Вселенной так тесно переплелись между собой.

Поднимающийся по лестнице самопознания человек увидел небо, в котором его нет. Опускающийся в глубины самопознания человек увидел землю, в которой его тоже нет. Между небом и землей существует человек, до страданий которого нет никакого дела ни небу, ни земле. Ужас заброшенности, ужас оставленности, «ужас космического одиночества»¹⁴ парализует душу человека.

*Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец;
Создав, навсегда уступил меня року Создатель;
Я продан! Я больше не Божий! Ушел продавец,
И с явной насмешкой глядит на меня покупатель*¹⁵.

Это доминирующее ощущение покинутости, одиночества, лежащее в основе любой религии и философии – следствие познавательного тупика, в котором оказалось человечество. В поэзии Иосифа Бродского мне всегда слышался очень тонкий, едва уловимый лейтмотив. Не так давно мне стало казаться, что я его стал понимать: Бродского не радует жизнь, и он завидует мертвым вещам.

*...не плачь о том, что жизнь проходит
и ничего тебе совсем не дарит.
Всего лишь жизнь. Ну вот, отдай и это,
ты так страдал и так просил ответа,
спокойно спи. Здесь не разлюбят, не разбудят,
как хорошо, что ничего взамен не будет...*¹⁶

Мандельштам еще откровеннее:

*О, как же я хочу,
не чуемый никем,
Лететь вослед лучу,
где нет меня совсем...*

Но всё это лишь верификационная лирика, как сказал бы Карл Поппер.

*

Итак, наука подвергла человека трём страшным унижениям: она лишила его геоцентрической иллюзии, она лишила его Бога с помощью эволюционной теории и она лишила его сознания. Уже много раз повязка была сорвана с глаз Человека, но вновь и вновь он надевает её. И сейчас на этой потертой от использования повязке гуманистическая психология выводит новые красивые слова: Развитие Личности, Духовное Совершенствование, Творческая Жизнь, Самоактуализация.

¹³ Яффе А. Символизм в изобразительном искусстве // Человек и его символы. – СПб., 1996. – С. 361.

¹⁴ Рассел Б. История западной философии: В 3 кн. – СПб., 2001. – С. 23.

¹⁵ Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. – М., 1989. – С. 180.

¹⁶ Бродский И. Стихотворения, эссе, пьесы: В 2 Т. – М., 1992. – Т. 1. – С. 58.

Идея бесконечного развития личности, идея о возможном для каждого человека беспредельном творческом самосовершенствовании, идея о беспредельных возможностях – это даже не миф, и не сказка, и не утопия, поскольку ни мифы, ни сказки, ни утопии так низко не опускаются¹⁷. Это – ложь. Потому что ничего этого нет. Есть организм, есть онтогенетический процесс постепенного умирания, есть личность – биосоциальное единство, и нет никаких оснований считать динамику развития личности отличной от общих закономерностей, присущих онтогенезу индивида. Интенсивные попытки стимуляции психической деятельности, предпринимаемые уже не только в детском и подростковом, но и в зрелом и пожилом возрасте, вызывают самые большие опасения в плане возможности спровоцировать патологическую авитальную активность.

Например, если рост в основной популяции составляет в среднем 160—170 сантиметров, то какой—то процент людей обязательно выходит по этому показателю за пределы нормы. Есть люди, рост которых составляет 200 и более сантиметров. Такие люди не представляют собой патологии, они являются отклонением. И никому не нужно доказывать, что им в чем—то сложнее адаптироваться к окружающей среде. Что произойдет, если мы начнем рассматривать людей с двухметровым ростом как «полностью выросших», а всех остальных как «неполноценных» или «не полностью актуализированных»?

Равным образом, есть креативные личности¹⁸, активность и пластичность ментальных процессов которых продолжает оставаться на относительно высоком уровне (по сравнению с общей популяцией) дольше, чем в норме. Это отклонение. Таким людям также в чем-то сложнее адаптироваться к окружающей среде, поскольку мир, который их окружает, – это не их мир, это не мир, который рассчитан на них, это мир примитивных личностей, это мир, адаптированный к особенностям социального и психологического функционирования примитивных личностей, мир, живущий по примитивным законам, мир с примитивными ценностями и интересами. Это – нормальный мир.

Глупо, как каждый понимает, пытаться разработать методики, которые позволили бы основной массе населения увеличить свой рост, хотя, теоретически это возможно. Для баскетбольных команд, насколько я знаю, стараются отобрать людей с естественно высоким ростом, а не вытягивают подростков в специальных инкубаторах.

Однако задумаемся, что же происходит в психологии в целом и в педагогике в частности по отношению к проблеме креативности? Чем, если не «вытягиванием за уши» можно назвать знаменитое «развивающее обучение»? Родители согласны платить огромные деньги, лишь бы погрузить своего ребенка в систему максимального информационного нагнетания, лишь бы втиснуть в ребенка всю мыслимую и немыслимую информацию, совершенно не учитывая его индивидуальные особенности. Это напоминает насилие.

У Роджерса (при всем моем неприятии гуманистической психологии) есть хорошее сравнение: «фермер не может заставить росток развиваться и прорасти из семени, он только может создать такие условия для его роста, которые позволят семени проявить свои собственные скрытые возможности. Так же обстоит дело и с творчеством»¹⁹. Это хорошее напоминание тем педагогам, которые считают, что креативность – это та волшебная жидкость, которой они поливают детей и которая обладает магической способностью из каждой землянички вырастить клубничку. Еще Гельвеций по этому поводу говорил, что посредством воспитания можно заставить плясать медведей, но нельзя выработать гениального человека.

¹⁷ Все нормальные сказки заканчиваются свадьбой и «жили они долго и счастливо». Ни второго высшего образования, ни самоактуализации, ни самореализации, ни даже участия в тренингах личностного роста.

¹⁸ Вагин Ю. Р. Креативные и примитивные. Основы онтогенетической персонологии и психопатологии.– Пермь, 1996.– С. 8.

¹⁹ Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека.– М., 1994.– С.61.

Педагогам бы решить проблему, как не тормозить психическое развитие ребенка и подростка, чтобы не выращивать психических компрачикусов, а уж кому и на сколько дано вырасти духовно и интеллектуально, природа решит сама. Не нужно ее подправлять. Как писал основоположник гештальттерапии Фредерик Перлз «Не нужно толкать реку, пусть она течет сама»²⁰. Ведь все, что требуется от родителей, воспитателей и учителей, – это обеспечить свободный доступ ребенка к информационному потоку в широком смысле этого слова, и он впитает в себя ровно столько, сколько позволят ему его собственные потенции. Он будет аутентичен. Он будет самоактуализирован, если угодно. Если исключить грубые случаи с сенсорной депривацией, ребенок, воспитывающийся в естественной среде, без внешнего вмешательства сумеет компенсировать возникший информационный голод. Не страшно, если ребенку кто-то что-то «недодаст». Образующийся вакуум будет заполнен естественным путем китайским языком, интегральными вычислениями, анатомированием лягушек и тому подобными с нормальной (примитивной) точки зрения странными материями.

Страшно в данной ситуации другое. Страшно, если в ограниченную форму попытаться вложить большее содержание, чем она может вместить. Психика ребенка и подростка чрезвычайно пластична. До поры до времени она стерпит все, но рано или поздно неминуемо ответит целым веером различных форм патологической авитальной активности с целью компенсации возникшего искусственно напряжения.

Психологи и психиатры знают, что происходит с теми детьми, которых в погоне за спортивными достижениями родители и тренеры, так сказать, «развивают», не думая о последствиях. На рубеже третьего тысячелетия любопытное человечество заинтересовалось развитием мозгов, презрев древнюю мудрую заповедь Экклезиаста: «Умножая знания, ты умножаешь страдания». Неужели на Земле мало страданий?

В этой связи в психологии за последние десятилетия возникло новое уникальное направление: психология креативности. Две проблемы интересуют в настоящий момент психологов: собственно проблема креативности и проблема усиления и продления креативности у большинства людей. Разрабатываются различные методики развития креативности у детей, усиления творческих способностей в зрелом и пожилом возрасте. Описываются и изучаются отдельные редкие индивиды, отличающиеся по ряду параметров от основной популяции. Эти индивиды (креативные личности) обладают определенным набором психологических характеристик, которые они где-то (то ли по наследству, то ли в специальной школе) получили, и вечно придумывают что-то новое, всегда идут своим путем, не могут усидеть на одном месте. Поль Торренс, основоположник психологии креативности, писал, что «креативность это значит копать глубже, смотреть лучше, исправлять ошибки, беседовать с кошкой, нырять в глубину, проходить сквозь стены, зажигать солнце, строить замок на песке, приветствовать будущее»²¹.

Но не это интересует большинство людей. Никто не станет вкладывать деньги, чтобы научить свою дочь разговаривать с кошкой, а своего сына – строить замок на песке. Креативностью интересуются постольку, поскольку на креативности стало возможно делать деньги. Ведь эти отдельно взятые личности периодически что-то там открывают, и на этом можно делать бизнес.

«Ага!» – думают психологи, и целыми школами и научными направлениями проблему эту, то есть креативность, изучают, а на базе изученного пытаются разработать различные комплексы мероприятий, как эту креативность в детстве как прививку прививать – «развивающее обучение» называется.

²⁰ Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра.– СПб., 1995.– С.25.

²¹ Краткий тест творческого мышления. Фигурная форма. – М., 1995.– С. 4.

Все это имеет столько же шансов на успех, сколько и попытка с детства воспитать из девочки мальчика или из мальчика девочку. То есть не то чтобы ничего не получается, – просто то, что получается, глаз отнюдь не радуется, само по себе вызывает сожаление, а иногда еще и требует специальной психологической и психотерапевтической помощи. Попробуйте сделать из примитивной личности креативную – получите невротика; попробуйте сделать из креативной личности примитивную – будет то же самое. И в том, и в другом случае вы получите патологическую авитальную активность.

Как это ни парадоксально, но именно избыточная стимуляция активности детей и подростков может привести к неожиданному эффекту – усилению авитальной активности как естественной компенсации бездумных действий родителей и педагогов. Если мы видим человека, который очень хочет спать, мы можем предположить, что перед этим он слишком долго и интенсивно бодрствовал. Если мы видим человека, который слишком хочет умереть, значит, обстоятельства предъявили к нему такие чрезмерные требования, которые, истощив его жизненные силы, позволили прорваться на поверхность патологической авитальной активности.

Та же гуманистическая психология и тот же гуманизм, которые так радеют за всеобщее развитие и «креативизацию» всех детей и подростков, теми же словами сокрушаются потом по поводу «необъяснимого» роста детских и подростковых самоубийств в последние десятилетия²².

Развитие человека длится долго, но не бесконечно. После более или менее длительного периода эволюции начинается неотвратимый инволюционный процесс. В обыденном и научном языке процесс завершения развития обозначается очень просто: «зрелость» («зрелая личность», «зрелый человек», «зрелые мысли», «зрелое решение»). И если мы констатируем в определённый момент феномен зрелости, следующий шаг – увядание. Когда человеческий индивид достигает зрелости, известно даже неспециалисту, и это никак не возраст 55—60 лет, с которого принято отсчитывать старость. После 20—25 лет все люди в большей или меньшей степени начинают подчиняться инволюционным процессам, которые неуклонно начинают превалировать над эволюционными и неминуемо ведут человека к духовной и физической смерти. А человеку-то ведь казалось, более того, ему все продолжают говорить, что всё впереди, – и он никак не подготовлен к тому, что после 20 лет с каждым годом всё труднее и труднее усваивать новую информацию, всё труднее и труднее что-то в крупном плане изменить в себе, и просто страшно признать, что вот то, что ты есть сейчас – это уже навсегда и лучше не будет.

В период становления навыков психической деятельности ребёнок обладает значительной пластичностью и значительными резервными возможностями. В этот период можно существенно увеличить скорость и объём ассимилируемой информации, её уровень сложности, то есть ребёнка можно «развить». С практической точки зрения это не столько трудно, сколько опасно. Мы хорошо знаем, что рано или поздно начнётся регресс, шансы на то, что период развития у ребёнка окажется затянутым во времени, ничтожно малы. При этом чем выше взлет, тем круче будет перелом, тем острее и осознаннее будет кризис аутентичности, тем скорее мы можем ожидать самый широкий спектр различных психологических и патопсихологических девиаций. Родители, которые как бы ориентируют своего ребёнка на бесконечное развитие, учителя, которые ждут от подростка бесконечного совершенствования, напоминают мне авиадиспетчеров, которые отправляют в полёт самолёт, не думая о том, что ему суждено когда-нибудь приземлиться, и не научив лётчика выпускать шасси. Только жизнь – не гуманный педагог, она быстро умеет «обламывать крылья».

В этом плане тот оптимистический педагогический настрой, который сформировался в обществе не без участия гуманистической психологии с её теориями «дурного» бесконечного личностного роста, вызывает у меня крайнюю настороженность. Именно в этих тенденциях,

²² Пурич-Пейакович Й., Дуньич-Душан Й. Самоубийства подростков. – М., 2000. – С. 6.

в подобном подходе к личности я вижу причину того, что в настоящее время главный кризис аутентичности, связанный с окончанием биологического созревания, протекает у многих людей в обострённой форме.

В этом отношении показательна недавно вышедшая монография Р. М. Грановской и Ю. С. Крижанской «Творчество и преодоление стереотипов»²³. Авторы с самого начала указывают на резкое «оскудение творческого начала» в народе и связывают это явление с историческими процессами, происходящими в России в последние 70 лет. Болея душой за русский народ, авторы требуют «увеличить количество творчества» на душу населения. Для этих целей они предлагают использовать методы «специального обучения или воспитания». Желание благостное. Только авторы, похоже, забыли спросить население: желает ли оно увеличивать количество своего творчества, которое им собираются отпустить, как мыло или спички в старые добрые времена – «на душу населения».

Грановская и Крижанская предъявляют неизвестно кому целый список своего недовольства существующим положением вещей. «Мы всё более и более недовольны обществом, в котором живём, – заявляют они. – Мы недовольны растущей унификацией нашей частной – семейной и индивидуальной – жизни, вынужденно одинаковой одеждой, пищей, развлечениями, мыслями, стереотипами, явственной враждебностью общества к любой форме оригинальности или просто отличности от общепринятого».

Что значит «недовольны»? Недовольны – не унифицируйтесь. Кто это «мы»? Вечно страдающая русская интеллигенция, осеменённая мировой культурой, вечно чуть-чуть беременная вселенскими замыслами и с вечной слабостью родовой деятельности? Великий знаток русского народа и русской интеллигенции Н. А. Бердяев хорошо сказал: «в русской интеллигенции рационализм сознания сочетается с исключительной эмоциональностью и с слабостью самоценной умственной жизни»²⁴.

Как можно обвинять общество во враждебности к любой форме оригинальности, если само общество на том стоит, если само общество суть единство? Общество, если оно желает стабильного существования, вынуждено всеми силами поощрять конформизм и унитаризм.

Авторы «недовольны всепроникающей массовой культурой, вытесняющей культуру подлинную, несовместимой с какой бы то ни было духовностью и индивидуализмом в любых его проявлениях».

Стоит ли злоститься на массовую культуру, которая, исходя из определения, – явление массовое и на массы рассчитанное. Не нравится – выключите телевизор, радио, прекратите читать газеты – сходите в театр, почитайте Кафку, Музиля, Пруста, Джойса, Бродского, Пушкина, в конце концов, посмотрите Тарковского и Сокурова, Гринуэя и Бергмана, послушайте Шнитке. И не отравляйте жизнь окружающим – не мешайте им смотреть «Марианну» и «Санта-Барбару».

В Соединённых Штатах, между прочим, национальная святыня – отнюдь не Гарвард, а Музей футбольной славы, а ассоциация людей с высоким коэффициентом интеллекта «Менса» – чуть ли не тайное сообщество. Извечное желание русской интеллигенции (начиная от народников) «дотянуть» народ до своего уровня – не что иное, как утопия, ничего общего с поведением креативной личности не имеющая. Какое дело креативной личности до общества, которое её окружает? Суть креативной личности – ярко выраженный индивидуализм, и, если вы так ратуете за него, будьте индивидуалистами до конца – признайте право окружающих самостоятельно распоряжаться собственной судьбой. Не нужно всеобщей «креативизации», и нет смысла обвинять систему образования, «которая порождает конформистов и вдалбли-

²³ Грановская Р. М., Крижанская Ю. С. Творчество и преодоление стереотипов. – СПб., 1994. – С. 74.

²⁴ Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909—1910. – М., 1991. – С. 24—42.

вает в головы стереотипы, формируя людей с „законченным“ во всех смыслах образованием вместо того, чтобы воспитывать оригинальных мыслителей».

Уверенность, что всё зависит от воспитания и образования – следствие грубого отражательного понимания психической деятельности в каком-то примитивном локковском смысле. Можно подумать, что все креативные личности поголовно обучались в специальных, закрытых от остального народа, учебных заведениях. Нет – они учились в обычных школах, у обычных учителей, и никакая система образования не может воспрепятствовать реализации потенциалов человека, если они, конечно, имеются. Бродский окончил восемь классов обычной советской школы, после чего работал фрезеровщиком на «Арсенале» и санитаром в морге, и это ничуть не помешало ему стать Бродским.

Удивительно вообще начало разработки данной проблемы в нашей стране. Если бы это не было так смешно, это было бы грустно. Какой смысл заниматься развитием креативности у детей в стране, из которой креативные личности удирают, как в старом анекдоте – «хоть тушкой, хоть чучелом»? Причём тысячами. Причём никто в большинстве случаев об их креативности не беспокоился, и никого она (кроме Джорджа Сороса) не интересовала и не интересует.

Это Соединённые Штаты в начале и в конце Второй мировой войны в первую очередь вывезли весь интеллектуальный потенциал Германии – сначала еврейский, затем немецкий. Когда нам понадобилось создать атомную бомбу, где был её будущий отец? Правильно – в тюрьме. Куда отправили создателя водородной бомбы, после того как он выполнил свою миссию и стал позволять себе индивидуальные мысли и взгляды? Правильно – под присмотр психиатров и под домашний арест. Если вы считаете, что в настоящее время в нашей стране что-либо изменилось, вспомните, что было, когда Сахаров вышел на трибуну съезда.

Это Израиль ежегодно в Екатеринбурге проводит тестирование детей, после чего лучших за государственный счёт вместе с родителями вывозит к себе. Такие страны, как США и Израиль могут позволить сказать о себе, что им не хватает творческих личностей. России лучше бы не позориться.

Если наша страна и создаст уникальный метод по развитию креативности, правительства названных выше стран с радостью сократят свои расходы на образование – в глубокой уверенности на скорый приток свежих сил.

Даже гуманистические психологи и психотерапевты (что, конечно, для них крайне нехарактерно) иногда признают некоторые перегибы в этом направлении. «Общество говорит его члену, что он свободен, независим, может строить свою жизнь в соответствии со своей свободной волей; „великая игра жизни“ открыта для него, и он может получить то, что хочет, если он деятелен и энергичен. В действительности для большинства людей все эти возможности ограничены», – пишет В. Франкл.²⁵

«Перед тобой открыты все просторы», – внушается подростку и молодому человеку. «Ты всего можешь добиться, если приложишь усилия», – беззаботно и благодушно обманывают его. И наивный, доверчивый человечек набирает скорость и на парусах надежды врежется в рифы жизни. И чем быстрее скорость, тем сокрушительнее удар. Как писал Пёрлз: «Мечты юности становятся подобными ночному кошмару, отравляющему существование»²⁶.

Не случайно все сказки заканчиваются описанием свадебного пира и фразой: «Стали они жить долго и счастливо». Потому что после этого ничего больше и не было. Принц становится королём, принцесса – королевой (или не становятся), потом все медленно стареют. Грустная картина. Не для сказок.

²⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла: Сб. – М., 1990. – С. 234.

²⁶ Пёрлз Ф. С. Указ. соч. – С. 119.

У Евгения Шварца есть совершенно замечательная сказка «Обыкновенное чудо». Волшебник превратил медвежонка в человека с условием, что, если тот когда-нибудь полюбит и поцелует принцессу, то снова превратится в медведя. Юноша влюбляется в прекрасную принцессу, целует её и... не превращается в медведя – в этом и заключается настоящее чудо. Юноша не превращается в медведя, который сидит у телевизора, пьёт пиво, читает газеты, ходит на выборы, и не занимается всей той ерундой, которую люди называют жизнью и от которой так тошнит, что и слов нет.

Но чудеса, к сожалению, случаются редко. Крайне редко личностное развитие человека не останавливается после двадцати лет. В большинстве случаев происходит постепенная остановка развития – и незаметно осознаёшь, что ещё вчера ты только собирался на ярмарку, а сегодня ты уже едешь с ярмарки.

В этом процессе нет не только ничего патологического, но даже болезненного. Более того: процессы регресса и инволюции сами по себе доставляют массу удовольствия, и об этом мы ещё будем иметь возможность поговорить ниже. В норме к 25 годам зрелая личность достигает уже того или иного социального положения, она достаточно хорошо интегрируется в систему социальных отношений, занимая в оптимальном случае то место, которое максимально соответствует имеющемуся потенциалу. Человек замечает, что он не достиг всего того, о чём мечталось, однако и то, что имеется, не лишено приятности. Он чувствует свою нужность, социальную полезность, он становится одним из многих, полноценным членом общества, первоначальное чувство недовольства начинает проходить, с каждым днём он открывает преимущества спокойной жизни, в которой необходимо прилагать минимальное количество усилий, чтобы не выпасть из общей упряжки. Делай своё дело, не высывайся, и, если ты не совсем дурак, карьера будет идти сама собой. Порывы юности воспринимаются со смехом или улыбкой. Возникает чувство самоуважения. И общество предлагает массу готовых вариантов, чтобы повысить это самоуважение: от орденов и медалей до званий и титулов.

*

Из разной содержательной наполненности одной и той же личности на разных этапах её личностного онтогенеза непосредственно вытекает известный конфликт поколений, конфликт между миром креативных детей и подростков и миром взрослых. Разное мировоззрение, разные ценности, разнонаправленное в векторном отношении бытие приводит к естественному антагонизму, который из поколения в поколение находит своё естественное же разрешение в том, что девяносто пять процентов бунтующих подростков (нигилистов и анархистов) незаметно в процессе онтогенеза превращаются в примитивных личностей и вливаются в примитивный мир. Они незаметно для себя усваивают и принимают ценности этого мира и стыдливо вспоминают свои «незрелые» юношеские порывы и фантазии.

Какие нормальные юноша и/или девушка интересуются материальным положением или социальным статусом своей любимой или любимого? И какие нормальные молодой мужчина и/или молодая женщина не интересуются этим? Какие нормальные юноша и/или девушка интересуются социальной престижностью или материальной выгодностью своей будущей профессии? И какие нормальные молодой мужчина и/или молодая женщина не выразят в последующем в душе благодарность своим дальновидным родителям, которым удалось заставить своего ребёнка выбрать именно ту профессию, которая при минимуме затрат принесёт социальные плоды?

Вся проблема онтогенеза личности заключена в том, что после достижения биологической зрелости внутренний, ядерный потенциал личности начинает неизбежно и необратимо, как шагреневая кожа, уменьшаться, съживаться, сужаться и морщиться. Живая душа начинает постепенно умирать; и единственный способ не замедлить, но спрятать этот страшный необратимый процесс от себя и от других – это забота о возведении декораций, укреплении

фасада личности. Деньги, имущество, власть, связи, титулы и звания, национальная гордость и патриотизм, вера и мораль – вот вечные способы иллюзорного увеличения масштаба собственной личности не только в глазах окружающих, но и в своих собственных. В тех случаях, когда мы видим перед собой личность, глубоко внутренне заинтересованную и озабоченную вышеперечисленными проблемами, мы видим умирающую личность.

Эти средства могут быть иногда востребованы совместно, иногда одно из них вытесняет другие. Так, вера может вытеснять любовь к деньгам или наоборот; модная одежда – национальную гордость или наоборот; патриотизм может стать выше денег и имущества или наоборот – не суть важно. Цель всех этих средств одна – прикрыть, замаскировать, спрятать, защитить от внешнего взора свою всё уменьшающуюся внутреннюю сущность и ценность.

На фоне укрепления социального статуса, профессионального и карьерного роста, расширения связей, увеличения дохода и благосостояния, социальной значимости собственной личности незаметно идёт постепенный, но необратимый процесс распада личности, её медленная инволюция. И возникает тот самый парадокс человеческого существования, на который в своё время обращал внимание Ананьев, говоря, что во многих случаях те или иные формы человеческого существования прекращаются ещё при жизни человека как индивида, т.е. их умирание наступает раньше, чем физическое одряхление от старости. Он рассматривал всё это как нормальное состояние, связанное с «сужением объёма личностных свойств».

Несмотря на значительные возможности в развитии отдельных систем и функций после достижения зрелости, общее количество энергии индивида существенно снижается, что приводит к более или менее заметному изменению личностного бытия. Происходит смена энергетического вектора, неосознаваемая в норме и осознаваемая в патологии.

Земная жизнь пройдена до середины, сборы рюкзака для примитивной личности окончены. Всё, что можно было взять с собой – взято, всё, что можно было познать – познано, всё, что можно было выучить – выучено. Нормальный человек отправляется в путешествие по жизни, которое кажется ему продвижением по лестнице вверх, хотя на самом деле он с каждым шагом движется вниз. *Нравственность, религиозность и духовность – три колокола, звонящие по умершей личности.*

Музиль писал, что «мало кто в середине жизни помнит, как, собственно, они пришли к самим себе, к своим радостям, к своему мировоззрению, к своей жене, к своему характеру, но у них есть чувство, что теперь изменится уже мало что... В юности жизнь ещё лежала перед ними, как неистощимое утро, полная, куда ни взгляни, возможностей и пустоты, а уже в полдень вдруг появилось нечто, смеющее притязать на то, чтобы быть отныне их жизнью, и в целом это так же удивительно, как если к тебе вдруг явится человек, с которым ты двадцать лет переписывался, не зная его, и ты представлял себе его совершенно иначе. Но куда более странно то, что большинство людей этого вовсе не замечает... Нечто обошлось с ними, как липучка с мухой, зацепило волосок, задержало в движении и постепенно обволокло, похоронило под толстой плёнкой, которая соответствует их первоначальной форме лишь отдалённо. И лишь смутно вспоминают они уже юность, когда в них было что-то вроде силы противодействия. Эта другая сила копошится и ерепенится, она никак не хочет угомониться и вызывает бурю бесцельных попыток бегства; насмешливость юности, её бунт против существующего, готовность юности ко всему, что героично, к самопожертвованию и преступлению, её пылкая серьёзность и её непостоянство – всё это ничто иное, как её попытка бегства»²⁷.

Большинство людей и после 30 лет ещё предаются иллюзии, что они могут завтра проснуться и что-то изменить в своей жизни, что они ещё молоды и у них всё впереди, что предыдущая жизнь – это только увертюра к большой и многоактной опере. Это не так, и вся социальная система устроена таким образом, что, даже если примитивная личность и осознает

²⁷ Музиль Р. Человек без свойств: Роман. – Кн. 1. – М., 1984. – С. 543.

в определённый момент, что её обманули, общество всей своей машиной засосёт и поглотит её последний вопль. «Одна и та же идиотская участь постигает миллионы и миллионы. Существование как таковое, монотонное само по себе, сведено централизованным Государством к однообразной суровости»²⁸, – писал по этому поводу И. Бродский.

Феномен остановки и инволюции человеческой личности настолько заметен, настолько ярок, что у многих людей возникает иллюзия, что имеет место какое-то внешнее вмешательство. Весь процесс остановки рассматривается как ошибка, как артефакт. И никакие факты, указывающие на тотальность этого процесса, не помогают большинству учёных отказаться от соблазнительной идеи вмешаться в этот нормальный ход вещей и не дать заснуть «засыпающей красавице».

Антуан де Сент-Экзюпери описывает в «Планете людей» семью в вагоне третьего класса: мать кормит младенца, отец – «как ком глины». Автор задаётся вопросом: «Почему же так изуродована благородная глина, из которой вылеплен человек?» «Дело не в нищете, грязи и уродстве, – рассуждает он. – Они когда-то встретились впервые, и наверно, он ей улыбнулся и, наверно, после работы принес ей цветы. Быть может, застенчивый и неловкий, он боялся, что над ним посмеются. А ей, уверенной в своём обаянии, из чисто женского кокетства, быть может, приятно было его помучить. И он, превратившийся нынче в машину, только и способную ковать и копать, томился тревогой, от которой сладко сжималось сердце. Непостижимо, как же они оба превратились в комья грязи? Под какой страшный пресс они попали? Что их так исковеркало?»²⁹

Он смотрит на малыша, примостившегося между отцом и матерью. «Я смотрел на гладкий лоб, на пухлые нежные губы и думал: вот лицо музыканта, вот маленький Моцарт, он весь – обещание! Он совсем как маленький принц из сказки, ему бы расти, согретому неусыпной разумной заботой, и он бы оправдал самые смелые надежды! Когда в саду, после долгих поисков, выведут наконец новую розу, все садовники приходят в волнение. Розу отделяют от других, о ней неусыпно заботятся, холят её и лелеют. Но люди растут без садовника. Маленький Моцарт, как и все, попадёт под тот же чудовищный пресс. И станет наслаждаться гнусной музыкой низкопробных кабаков. Моцарт обречён»³⁰.

Он возвращается в свой вагон и говорит себе, что эти люди не страдают от своей судьбы. И сам он не столько страдает и жалеет, сколько мучается заботой садовника: «Меня мучит не вид нищеты, в конце концов, люди свыкаются с нищетой, как свыкаются с бездельем. На востоке многие поколения живут в грязи и отнюдь не чувствуют себя несчастными. Того, что меня мучит, не излечить бесплатным супом для бедняков. Мучительно не уродство этой бесформенной, измятой человеческой глины. Но в каждом из этих людей, быть может, убит Моцарт»³¹.

Мучительно созерцать процесс умирания человеческой личности, но, если, как Экзюпери, верить в то, что любовью и заботой этот процесс можно приостановить, становится легче. Но это только вера – и больше ничего. Ещё более мучительно осознавать, что процесс этот необратим и никакие заботы садовника не могут что-либо изменить в существующем порядке вещей. Никто не убивал Моцарта – Моцарт уснул. Прекрасная маленькая бабочка превратилась в толстую прожорливую гусеницу, уютно устроившуюся на своём вкусном зелёном листе, и всё, что её интересует, – это ещё более сочный лист, на который она стремится переползти, безжалостно спихивая менее проворных собратьев.

²⁸ Бродский И. А. Форма времени: Стихотворения, эссе, пьесы: В 2 т. – М., 1992. – Т. 2. – С. 276.

²⁹ Сент-Экзюпери А. Планета людей //Сб. – М., 1970. – С. 125.

³⁰ Там же. – С. 126.

³¹ Там же. – С. 126.

*

В знаменитом романе Гёте «Страдания юного Вертера» такой тип личности замечательно выведен в лице Альбера – мужа Шарлотты. Альбер – человек «милый», «славный», «вполне заслуживающий уважения», он честен, порядочен, ограничен рамками общих ценностей, его больше беспокоит соответствие своего поведения общепринятым нормам, чем собственным желаниям и побуждениям. Да их и не возникает у него. Вся жизнь его расписана и запланирована на много лет вперёд – служба, женитьба на Лотте, – и он не понимает совершенно противоположного ему по складу характера Вертера. Он не одобряет индивидуализм Вертера, так как Альбера в каждом поступке интересует именно то, как на это посмотрят окружающие. Он идентичен и аутентичен.

Однажды Вертер перед прогулкой зашёл к Альберу, и на глаза ему попались висящие на стене пистолеты. Шутки ради он внезапным движением прижимает дуло пистолета ко лбу.

«Фу! К чему это? Даже представить себе не могу, как это человек способен дойти до такого безумия, чтобы застрелиться; сама мысль противна мне», – возмущается Альбер.

«Странный вы народ, – отвечает ему Вертер. – Для всего у вас готовы определения: то безумно, то умно, это хорошо, то плохо! А какой во всём этом смысл? Разве вы вникли во внутренние причины данного поступка? Можете вы с точностью проследить ход событий, которые привели, должны были привести к нему? Если бы взяли на себя этот труд, ваши суждения были бы не так опрометчивы».

Но примитивная личность и общество примитивных личностей как раньше, так и сейчас редко даёт себе труд вникнуть во внутренние психологические переживания конкретного человека. Экономически выгоднее и проще мыслить и действовать по раз и навсегда выработанным правилам, – не задумываясь, какой в этом смысл. Это не должно звучать как осуждение или упрёк: общество не может функционировать иначе.

Кто из двух героев романа – Вертер или Альбер – в конечном счёте покончил с собой, я думаю, говорить нет необходимости. Этот роман следовало бы перечитать всем тем гуманистическим психологам и поборникам развивающего обучения, которые с утра до вечера мечтают из всех Альберов вырастить Вертеров.

В одном из самых лучших и самых малоизвестных романов двадцатого века «Человек без свойств» Роберт Музиль блестяще описывает кризис аутентичности, связанный с остановкой личностного развития, и процесс его преодоления на примере Вальтера – друга главного героя, Ульриха.

Кризис аутентичности Вальтера усугубляется не только тем, что он изначально имеет большие задатки, то есть кривая его личностного развития изначально круто уходит вверх (чем выше потенциал личности, тем тяжелее переживается кризис аутентичности), но и тем, что рядом с ним находится его жена, которая этот кризис замечает, то есть видит остановку в развитии Вальтера, но не собирается с ней мириться.

Ульрих и Вальтер были друзьями юности, вместе мечтали и восхищались красотой и бесконечными возможностями мира, но, достигнув зрелости, Ульрих остается «человеком без свойств», «человеком возможностей», идущим «рядом с жизнью», а Вальтер испытывает мучительные переживания из-за невозможности осуществить свои творческие замыслы и планы. Причём ситуация такова, что *у него нет формальной возможности обвинить кого-либо в препятствии реализовать собственные потенции.*

Вальтеру тридцать пять лет. В молодости он увлекался живописью, музыкой и поэзией. Находились специалисты, которые прочили Вальтеру великое будущее, и он, как это часто бывает, сам привык мыслить себя в перспективе своего великого будущего. Несмотря на сомнения родственников жены, которые здраво полагали, что у молодого человека нет воли, если он не может заниматься определённым делом, приносящим деньги, Вальтер в конце концов

обосновался в своём доме вместе с женой и тихой должностью, не требующей много времени и усилий, но и не приносящей существенного дохода.

Казалось бы, он создал себе все условия для творчества. «Но когда не осталось ничего, что нужно было преодолевать, случилось неожиданное: произведений, которые так долго сулило величие его помыслов, не последовало». Вальтер в ужасе осознаёт, что он не может больше работать, каждое утро с надеждой на вдохновение он запирается на несколько часов дома, совершает многочасовые прогулки с закрытым мольбертом, но то небольшое, что он создаёт в эти часы, он никому не показывает и уничтожает. Достаточно было установить холст на мольберте или положить чистый лист бумаги на стол – и уже возникало ощущение ужасной пропажи в душе. Замученный безнадёжностью во всех своих решениях и побуждениях, он страдал от горькой грусти, и его неспособность превратилась в боль, которая часто, как носовое кровотечение, возникала у него где-то во лбу, едва он решался за что-то взяться.

Это – кризис аутентичности.

Во время своего прихода Ульрих беседует с Клариссой (женой Вальтера).

«Ты, значит, не веришь, – говорит она Ульриху, – что он ещё чего-то достигнет».

«Нет второго такого примера неизбежности, как тот, что являет собой способный молодой человек, когда он суживается в обыкновенного старого человека – не от какого-то удара судьбы, а только от усыхания, заранее ему предназначенного!»³² – отвечает ей Ульрих.

Музиль не только блестяще описывает сущность кризиса аутентичности (настоящий писатель для психолога – всё равно что микроскоп для гистолога), но и показывает, как личность защищает себя от, казалось бы, неминуемого в этой ситуации осознания.

Взгляды Вальтера на глазах меняются. Он начинает «подводить черту»: в музыке, например, после Баха, в литературе – после Штифнера, в живописи – после Энгра, – и объявляет всё последующее вычурным, упадническим, утрированным и вырождающимся; мало того, он с каждым разом всё запальчивей утверждает, что в такое отравленное в своих духовных корнях время, как нынешнее, чистый талант (к которому он продолжает относить себя) «должен вообще воздерживаться от творчества». И всё чаще из его комнаты раздаются звуки Вагнера – музыки, которую он в прежние годы учил свою жену презирать как образец мещанства, но перед которой теперь сам не смог устоять.

Кларисса молода и всеми силами сопротивляется личностному регрессу Вальтера. Она, считающая гениальность вопросом воли, с пятнадцати лет мечтала выйти замуж за гения и не разрешает Вальтеру не быть гением: «увидев его несостоятельность, она стала бешено сопротивляться. Как раз когда Вальтеру необходимо было человеческое тепло, когда Вальтера мучило его бессилие, она не поддавалась ему...»

Мудрый Ульрих, как подозревает Кларисса, всё понимает, но она не хочет признать его жестокою правоту и предпочитает продолжать мучить Вальтера. «Причину таинственных изменений, которые, пожирая гений, составляют болезнь», Ульрих считал самой обыкновенной глупостью. Совсем не в обидном смысле. «В глупости, – размышляет он, – есть что-то необыкновенно располагающее и естественное и чистейшая банальность всегда человечнее, чем новое открытие, чем Ван Гог, Шекспир или Гетё».

Тем временем состояние Вальтера (не без помощи Клариссы) всё ухудшалось, пока он не нашёл великолепной защиты в мысли, которой он никогда прежде не ценил. Мысль эта заключалась в том, что Европа, где он был вынужден жить, безнадежно выродилась.

«Многим людям, – пишет Музиль, – явно проще верить в какую-то тайну, отчего они и провозглашают неудержимый упадок чего-то, что не поддаётся точному определению и обладает торжественной расплывчатостью. Да и совершенно, в сущности, безразлично, что это – раса, сырая растительная пища или душа: как при всяком здоровом пессимизме, тут важно

³² Музиль Р. Человек без свойств. Кн. 1. – М., 1984.

найти что-то неизбежное, за что можно ухватиться. И хотя Вальтер в лучшие годы способен был смеяться над такими теориями, он тоже, начав прибегать к ним, быстро увидел великие их преимущества. Если дотоле был неспособен к работе и плохо чувствовал себя он, то теперь неспособно к ней было время, а он был здоров. Его ни к чему не приведшая жизнь нашла вдруг потрясающее объяснение, оправдание в эпохальном масштабе, его достойное».

Одна Кларисса мучила его. Как только Вальтер начинал патетическим тоном сетовать, что «нынче всё развалилось», Кларисса «тоном заботливой мамочки» с издёвкой спрашивала:

« – Хочешь пива?

– Пива? Почему бы нет? Я ведь не прочь... Немножко погулять, перекинуться словом с соседями и спокойно закончить день. Это и есть человеческая жизнь...»

Да, это и есть нормальная человеческая жизнь.

*

Человеческая жизнь – это процесс естественного хронического умирания. Качественная жизнь – процесс качественного умирания. В жизни, конечно, есть место развитию, более того, вся жизнь по своей сути – развитие, но это развитие – в буквальном смысле этого слова *развитие* и есть. Развитие в том смысле, что нечто изначально с—витое начинает раз—виваться, подобно пружине в механических часах. Тогда совершенно понятным становится, что процесс развития – это переход от большей энергии к меньшей, это процесс не прогрессивный, а регрессивный, не эволюционный, а инволюционный и т. д. Конечно, в ходе так понимаемого развития какие-то процессы могут претерпевать восходяще-нисходящие тенденции, то есть сначала нарастать, а затем спадать, но в основе всегда лежит развитие. Грубый пример: заведите любую детскую машинку и поставьте ее на пол. Скорость ее сначала начнет резко увеличиваться за счет развивающейся пружины, а затем постепенно уменьшаться, пока не снизится до нуля. Похожие процессы мы можем наблюдать на разных уровнях человеческого индивидуального и личностного бытия.

К сожалению, мы не можем использовать этот термин в тифоаналитической теории, так как развитие понимается большинством ученых в смысле движения вперед, движения снизу—вверх, как прогресс, улучшение, усложнение и т. д. Точно так же понимаются и все производные от развития термины: «развивающее обучение», «развивающаяся личность». Если попытаться задуматься над термином «развивающее обучение» в нашем понимании, то мы сразу же создадим себе столько проблем, что надолго увязнем в них.

Очень интересно только при этом: чем это таким занимаются педагоги, стараясь как можно скорее развить ребенка и подростка? Если вся жизнь есть процесс постепенного развития от зачатия до смерти, то к чему приближает ребенка педагог, стремящийся всеми силами его развить? Если я попытаюсь повиснуть на цепочке домашних ходиков этого самого педагога для ускорения их хода и цепочка, естественно, оборвется, я не думаю, что он будет при этом долго удивляться тем причинам, по которым это произошло. Я думаю, что мне после этого нужно будет поскорее «уносить ноги» из дома этого педагога. Но те же самые педагоги искренне удивляются: почему это подростковые самоубийства вышли на третье место среди причин смертности у детей и подростков. «Резко возросшее число завершенных суицидов в подростковом возрасте, и особенно среди детей до 12 лет, зависят от многочисленных социокультурных условий, которые в деталях на сегодняшний день еще не выяснены»³³ – искренне удивляются они. Очень знакомые слова. «Ой, сломалось» и «Сами не знаем, как это получилось», – так всегда говорят мне мои дочери, когда безвозвратно разберут какую-нибудь игрушку или агрегат. И глаза при этом такие честные-честные.

³³ Психиатрия, психосоматика, психотерапия/К.П.Кискер и др.—М., 1999.— С. 58.

Не нужно пытаться повиснуть на гирьке мирно тикающих ходиков чужой жизни с целью заставить их идти быстрее. Не нужно делать это по отношению к себе, к своим детям и к своим близким, не нужно и другим позволять это делать. Нужно их просто по рукам бить за это. Нам, собственно говоря, некуда спешить. Я врач, и на моих глазах умирало много людей. Я не видел за всю свою жизнь ни одного человека, который бы в последние минуты жизни испытывал удовлетворение от качества своего образования, красного диплома, защищенной диссертации и профессорского звания. Умирающие в последние часы и минуты своей жизни хотели бы видеть рядом с собой людей, к которым они были привязаны, и людей, которые были привязаны к ним. Их они вспоминают перед смертью. И люди, жизнь которых была наполнена такими связями, испытывают чувство глубокого удовлетворения от жизни и не боятся смерти. Как говорила перед смертью моя маловерующая бабушка, у которой было двое детей, трое внуков и семь правнуков, в каждого из которых она вложила часть своей души, «если Господь *там* есть, нам будет о чем поговорить, и этот разговор будет о моей жизни, которой мне нечего стыдиться, а не о моей вере».

Те же, кто не уважает сам себя и кого не уважают собственные дети, жаждут своей смерти, и чем больше они ее жаждут, тем больше боятся.

Определение понятий

Понятийная система (тезаурус) – важнейший компонент любого научного исследования. Карл Густав Юнг говорил, что «мы обязательно должны определять, что имеем в виду, когда употребляем тот или иной термин, иначе мы будем говорить на непонятном языке; и психология особенно страдает от этого»³⁴.

Страдает от этого и психология с теорией влечений в целом, и теория влечения к смерти в частности. Теория влечения к смерти страдает так, что многие авторы испытывают желание как можно скорее ее похоронить, очевидно, чтобы не видеть, как она мучается. Складывается впечатление, что многие ученые «обиделись» не столько на саму теорию влечения к смерти, сколько на ее терминологическое обозначение. Эмоционально не воспринимается не суть теории, а слова. Смерть и все, что с ней связано, включая тезаурус, в нашей культуре настолько табуировано, что, к сожалению, многие люди, включая специалистов, реагируют на слова, имеющие отношение к теме смерти, не лучше, чем некоторые герои Джоан Роулинг реагируют на слово «Волдеморт». По понятным соображениям, для любой науки подход по принципу «сами знаете о чем идет речь» малопригоден. И хотя я не ставлю здесь задачу дать развернутый обзор истории и современной интерпретации психоаналитических понятий (это невозможно и не нужно в рамках нашего исследования), определить основные понятия, которыми мы будем пользоваться, считаю необходимым.

*

Создавая теорию первичных влечений, Фрейд пользовался в основном понятием «Trieb». От этого же корня происходят некоторые слова и в русском языке: «требование», церковнославянские «требы» и «требник», возможно, «труба» и «утроба». Толковый словарь русского языка определяет влечение как «сильную склонность к чему-либо», что близко к определению Фрейда. Такое же значение дает и психоаналитический словарь Лапланша и Понталиса. Влечение (франц. «pulsion») – это «динамический процесс, при котором некоторое давление (энергетический заряд, движущая сила) подталкивает организм к некоторой цели»³⁵. Влечение, понимаемое как сила, имеющая некоторое направление и цель, близко к математическому понятию вектора. Если мы представим человеческую жизнь как вектор с началом и неким направлением, сопоставим этот вектор с понятием влечения, то легко получим ответ на вопрос, влечению к чему будет соответствовать этот вектор. Этот вектор будет соответствовать влечению к смерти.

Как известно, в броуновском движении человеческих влечений Фрейд постарался вычленил те основные, которые могли бы определять глубинную динамику психических процессов, и сформулировал последовательно две дуалистические теории. В каждой из них постулировал два антагонистических влечения, в отношении которых пользовался такими словами, как «противоположно направленные» и «противостоящие». Но в отношении этих же «противоположно направленных» влечений он часто пользовался такими словами как «переплетение» и «смешивание», что с точки зрения векторной теории влечений принципиально невозможно. Два противоположно направленных вектора, равно как и влечения, не могут переплетаться друг с другом. Они могут лишь взаимно нейтрализовать или уравновешивать друг друга.

Фрейд никогда не чувствовал полной удовлетворенности от созданных им самим теорий влечений – ни от первой, ни от второй, и эта неудовлетворенность нашла свое отражение в понятийном тезаурусе. В первой теории влечений он, например, сомневался в уместно-

³⁴ Юнг К. Г. Конфликты детской души: Собр. соч. – М., 1994. – С. 49.

³⁵ Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. – М., 1996. – С. 77.

сти приложения одного и того же понятия «Trieb» к обеим группам влечений и неоднократно называл тенденцию к самосохранению не влечением («Trieb»), а потребностью («Bedurfnis»). Отношение между понятиями «потребность» и «влечение» в психологии примерно такое же, как отношение между понятиями «напряжение» и «сила» в физике. Чем выше потребность, тем сильнее влечение.

На то, что Фрейд старался терминологически отделить влечения, которые он относил к области сексуальности, от тех, которые он относил к самосохранению, исследователи уже обращали внимание. Гаддини замечает, что в истории болезни Шребера и работе о нарциссизме для отграничения влечений Я от сексуальных влечений Фрейд вводит понятие «интерес» (interest)³⁶. Оно не получило развития в работах Фрейда, хотя в 16-й лекции «Введения в психоанализ» он пишет: «Мы обозначили катексис энергии, которую «Я» направляет на объекты своих сексуальных желаний как «либидо»; все остальное, что посылается наружу инстинктами самосохранения, мы обозначили термином «интерес». Гаддини уверен, что «поскольку термины для Фрейда никогда не были просто словами»³⁷, термин «интерес» не был просто плеоназмом. Он отражает неудовлетворенность Фрейда теоретическим состоянием дуалистической теории влечений.

Помимо терминологических трудностей у самого Фрейда, достаточно большие проблемы возникли при переводе оригинального тезауруса Фрейда на другие языки. В английском языке немецкому понятию Trieb соответствуют сразу два понятия: instinct и drive. Редактор перевода работ Фрейда на английский язык Джеймс Стрэчи предположил, что именно английское понятие instinct наиболее адекватно немецкому понятию Trieb. Для такой точки зрения, несмотря на дальнейшую критику в адрес Стрэчи, есть основания. Буквальный перевод слова «инстинкт» с латинского означает «внутреннее побуждение», что достаточно точно соответствует смыслу, который Фрейд вкладывал в понятие «влечение». Более того, и сам Фрейд не возражал против того, чтобы Trieb переводилось на английский язык именно как instinct, а не drive.

Однако другие англоязычные аналитики не всегда точно придерживались этой трактовки. Так, например, составитель «Критического словаря психоанализа» Чарльз Райкрофт рассматривает инстинкт традиционно – как «врожденное, биологически детерминированное побуждение к действию»³⁸ и далее пытается в этих рамках описать теорию влечений Фрейда, приписывая инстинкту источник, энергию, цель и объект. Он принципиально не видит пользы в попытке выявить смысловые различия между влечением и инстинктом, однако пользуется преимущественно понятием «инстинкт» и методично критикует Фрейда за его диалектизм, дуализм и невнимание к остальным инстинктам, которых сам Райкрофт насчитывает семь. Незаметно для себя Райкрофт соскальзывает с фрейдовского понимания влечений как базовых первичных побуждений к действию на традиционное понимание инстинкта как совокупности наследственно предопределенных целесообразных действий, коих на самом деле можно насчитать много больше двух, и с этих позиций совершенно безосновательно критикует Фрейда.

Подобные трактовки заставляют некоторых аналитиков рассматривать выбор понятия «instinct» в качестве английского эквивалента «Trieb» как серьезную проблему психоаналитической и психологической литературы, порождающую «путаницу между фрейдовской теорией влечений и психологическими концепциями инстинкта у животных... приводя к утрате оригинального момента фрейдовской концепции, связанного с утверждением относительной

³⁶ Гаддини Е. По ту сторону инстинкта смерти. Проблемы психоаналитического исследования агрессии/В кн.: Психоанализ в развитии: Сб. переводов.—Екатеринбург, 1998.— С.123.

³⁷ Гаддини Е. По ту сторону инстинкта смерти. Проблемы психоаналитического исследования агрессии. В кн.: Психоанализ в развитии: Сб. переводов.— Екатеринбург, 1998.— С. 122.

³⁸ Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа/Пер. с англ.—СПб., 1995.—С.56.

неопределенности побуждающей силы, случайности объекта, а также изменчивости целей влечения»³⁹.

Традиционно в биологии со времен Дарвина принято понимать под инстинктом не столько побуждение к действию, сколько механизм действия. Поэтому использование понятия «инстинкт» в рамках психоаналитической теории влечений не столько невозможно, сколько неоднозначно: каждому автору, использующему понятие «инстинкт», всегда придется оговаривать, какое из двух возможных значений он имеет в виду. Мне привычно пользоваться традиционным определением инстинкта как унаследованного, жесткого, не меняющегося от индивида к индивиду паттерна поведения, присущего определенному виду животных. Подобными врожденными паттернами поведения обладает и человек. Таков, например, классический укореняющий паттерн поведения, описанный у новорожденных Рене Шпицем⁴⁰. Прикосновение к лицу новорожденного младенца приводит к быстрому вращению головы из стороны в сторону с полуоткрытым ртом до тех пор, пока рот не наткнется на сосок и губы его не ухватят. В этот момент движения головы прекращаются и начинается сосание – еще один врожденный инстинктивный паттерн. Таков инстинкт дыхания, глотания, мигания, мочеиспускания, дефекации и десятки других генетически детерминированных паттернов поведения.

Разумеется, такое понятие инстинкта относится более к сфере интересов биологии и этологии, нежели психологии, но это не означает, что психология, по мнению некоторых авторов, должна «отказаться от употребления понятия инстинкта как научного термина»⁴¹. Если, например, Холт считает, что инстинкт как метапсихологическое понятие мертв и его необходимо заменить понятием «желание» (wish)⁴², то это может быть верным, если иметь в виду только метапсихологическую теорию Фрейда. Но если иметь в виду метапсихологическую теорию, контактирующую со смежными науками (биологией, зоологией, этологией, зоопсихологией), то понятие «инстинкт» еще долго не утратит для нас своей коммуникативной ценности. Уверен, что многие этологи, исследующие инстинктивное поведение животных, комплексы фиксированных действий, знаковые стимулы (релизеры и ключевые сигналы), импринтинг и условно-рефлекторное поведение, были бы крайне удивлены, узнав, что с точки зрения отдельных психологов понятие «инстинкт» мертво. Думаю, что для их «биологического уха» так же странно было слышать на протяжении всего XX столетия такие словосочетания, как «инстинкт жизни» или «инстинкт смерти». Одни лишь эти неверно переведенные и неверно использованные словосочетания могут побудить их сгоряча признать вслед за словосочетаниями и сами теории «чуждыми биологии... не только ненужными, но и неверными»⁴³. Специалист в области эмоций Кэрролл Изард так и пишет: «Фрейд в свое время рассуждал об инстинктах жизни и смерти, но очень немногие из ученых, специализирующихся на исследовании поведения человека, согласятся с его концепцией»⁴⁴. И правильно сделают. Но лишь в том случае, если их побуждать к тому, чтобы рассматривать влечение или драйв к смерти именно как инстинкт.

Но, поскольку основу фрейдовской теории влечений составляют не инстинкты как совокупность сложных врожденных реакций (актов поведения) организма, возникающие в ответ на внешние или внутренние раздражения, а постулирование *побуждающей силы влечений* к различным моделям поведения и различным объектам, помогающим достижению цели влечения, то, я думаю, удобнее использовать понятие «влечение» для перевода немецкого поня-

³⁹ Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу/ Пер. с франц. – М., 1996. – С. 167.

⁴⁰ Шпиц Р. Психоанализ раннего детского возраста. – М., СПб, 2001 — С. 19.

⁴¹ Словарь практического психолога/ Минск, 1997. — С. 194.

⁴² Holt R.R. Drive or wish? A reconsideration of the psychoanalytic theory of motivation//Psychological issues.—Vol. 9.—¹ 4.—monograph 36.— P. 158—197.

⁴³ Лоренц К. Так называемое зло //Оборотная сторона зеркала. – М., 1998. – С. 96.

⁴⁴ Изард К. Э. Психология эмоций.— СПб., 2000.— С. 26.

тия «Trieb» на русский язык и присоединяюсь к тем англоязычным авторам, которые считают, что английское понятие «drive» – более адекватное для перевода на английский.

В некоторых переводах Фрейда на русский язык⁴⁵ в качестве аналога немецкого понятия «Trieb» используется русское понятие «позыв», что с нашей точки зрения не совсем правильно, тем более, что сами переводчики внутри текста в скобках пишут понятие «влечение». Толковый словарь русского языка С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой указывает, что использование понятия «позыв» в смысле «желания» или «влечения» теоретически возможно, но оно устарело, и современное значение слова «позыв» в русском языке больше соответствует ощущению конкретной физиологической потребности (позыв на рвоту или мочеиспускание).

Если мы обратимся к фундаментальной отечественной психологии, то увидим, что она обладает еще одним достаточно точным аналогом фрейдовского понятия «Trieb» – «динамическая направленная тенденция», которая подобно влечению Фрейда обладает и напряжением, и направленностью, и предметным содержанием (опредмечивается)⁴⁶. Сергей Рубинштейн с позиций динамической направленной тенденции даже критиковал теорию влечений Фрейда за ее неполноту. Для Рубинштейна влечение – лишь начальный этап отражения органической потребности. «По мере того, как осознается служащий для удовлетворения потребности предмет, на который направляется влечение, а не только ощущается то органическое состояние, из которого оно исходит, влечение необходимо переходит в желание – новую форму проявления потребности»⁴⁷.

Понятие «желание» представляет для нас большую ценность, поскольку отличается от понятия «влечение» именно степенью осознанности. Под «желанием» далее мы будем понимать осознанное влечение к чему-либо, например желание смерти. Рассматривая далее проявления патологической авитальной активности, мы будем говорить о таких пресуицидальных формах, как «желание умереть» и «нежелание жить» как *осознанных* проявлениях влечения к смерти. Любой человек имеет влечение к смерти, но нужно иметь очень некачественную жизнь, чтобы это влечение к смерти настолько усилилось, что смогло преодолеть блокирующие системы хронификации жизни (страх и боль) и проникнуть в сознание в форме желания смерти.

*

Разграничив влечения, инстинкты и желания, далее мы должны определиться с некоторыми фундаментальными понятиями, которые настолько традиционны, что, даже наполнив их здесь новым содержанием, мы не имеем надежды на их адекватное использование в ближайшее время.

Одним из таких фундаментальных понятий для нас, несомненно, является понятие «жизнь» и его производные – «жизненная активность» и «влечение к жизни». Определение жизни как одной из форм существования материи, закономерно возникающей при определенных условиях в процессе ее развития, возражений не вызывает, но уже понятие «жизненная активность» и уж тем более понятие «влечение к жизни» являются для нас крайне двусмысленными. Акт (лат. *actus*) со времен Аристотеля понимается как деятельное осуществление чего-либо. В психологии под активностью (в противовес реактивности) понимают собственную динамику и деятельность живых существ⁴⁸. Если мы понимаем жизнь как активность и движение к смерти, возникающее за счет мотивационной силы влечения к смерти с одной стороны и активности внутренних систем хронификации жизни с другой стороны, то понятие «жиз-

⁴⁵ Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Сб. работ. – Харьков, М., 2001.– 624 с.

⁴⁶ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. II.– М., 1989.– С.104.

⁴⁷ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. Т. II.– М., 1989.– С.110.

⁴⁸ Психология. Словарь.—М., 1990.– С. 14—15.

ненная активность» становится крайне двусмысленным. Поскольку, если речь идет о живом существе, понятие «жизненная активность» может обозначать лишь внутреннюю активность систем хронификации жизни – систем, которые традиционно принято называть инстинктами самосохранения и в отношении которых Фрейд, определив их как инстинкты Я, не оставил четкого определения.

Найти определение инстинкта самосохранения в словарях по психологии и психоанализу также трудно. В критическом словаре психоанализа Райкрофта самосохранение определяется как Эго-инстинкты, а Эго-инстинкты – как самосохранение⁴⁹. Шпильрейн определяет инстинкт самосохранения как «статичный» инстинкт, защищающий уже существующего индивида от чуждых влияний, в отличие от «динамического» инстинкта сохранения вида, стремящегося к изменению и воскрешению индивида в новой форме⁵⁰.

Мы будем рассматривать самосохранение как врожденную систему хронификации жизни. Функционирование этой системы не позволяет живому организму максимально быстро приблизиться к конечному состоянию – смерти, заставляя каждый живой организм проделать свой собственный путь к смерти. Такое понимание инстинкта самосохранения близко к позиции Фрейда, когда он рассматривал его как фактор, обеспечивающий «окольный путь» каждого организма к смерти, но мы, в отличие от Фрейда, не будем спешить относить систему хронификации жизни ни к влечениям к смерти, ни к влечениям к жизни, равно как и противопоставлять его им. Более того, мы вообще не будем относить эту систему к категории влечений. Деятельность этой системы управляется и мотивируется влечением к смерти, подобно якорно-маятниковой системе в часах, которая действует, как и весь механизм часов, за счет тяжести гири, или напряжения пружины. При этом функция этой системы заключается в буквальном смысле слова не в *поддержании* и не в *сохранении* жизни, а в хронификации этого процесса. Сама система хронификации жизни не обладает ни внутренней энергией, ни внутренней мотивирующей силой. Она ограничивает возможности реализации влечения к смерти лишь теми путями, которые в форме инстинктов заложены в нас для созревания, репродукции и последующего патронажа. Деятельность системы хронификации жизни целиком и полностью зависит от энергии влечения к смерти и собственной энергией не обладает.

Что касается понятия «влечение к жизни», то если рассматривать влечение как «давление, подталкивающее организм к некоторой цели»⁵¹, то влечение к жизни не существует как таковое: если жизнь – процесс хронического умирания, то обладает ли человек самостоятельным влечением к хроническому умиранию? С нашей точки зрения – нет. Человек обладает влечением к смерти, но чаще всего не может его моментально удовлетворить в связи с тормозящим действием системы хронификации жизни. Так устроены все простые и сложные биологические системы. Человек – единственная биологическая система, которая может сознательно повредить или преодолеть системы хронификации жизни и достичь своей смерти максимально быстро.

Таким образом, ни понятие «влечение к жизни», ни понятие «инстинкт жизни» не являются с научной точки зрения верными. Человек как носитель психики, равно как и его организм, не обладают влечением к жизни, а неорганическая материя, поскольку она не обладает ни психикой⁵², ни организмом⁵³, не может обладать и влечением к жизни.

Неорганическая материя обладает тенденцией к жизни, и при определенных условиях она неизбежно порождает жизнь, и если мы будем рассматривать влечение как некую общую

⁴⁹ Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа/Пер. с англ.– СПб., 1995.– С.167.

⁵⁰ Шпильрейн С. Н. Деструкция как причина становления. В кн. Антология российского психоанализа: В 2 т. Т.1.– М., 1999.– С.137.

⁵¹ Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу/ Пер. с франц. – М., 1996. – С. 77.

⁵² Если не придерживаться панпсихического мировоззрения.

⁵³ Если не придерживаться концепции живой Земли и «гипотезы Геи» Лавлока.

тенденцию к направленной деятельности, как некий вектор, определяющий с одной стороны направление, а с другой – силу, то тогда влечением (тенденцией) к жизни обладает лишь неорганическая материя, а живая органическая материя будет обладать лишь влечением к смерти.

Смерть как прекращение жизнедеятельности организма и его гибель являются конечной и основной целью жизни, и качественное удовлетворение этого влечения равноценно понятию качественной жизни. Хорошо жить – это значит качественно умирать: не быстро и не долго, а именно столько, сколько заложено в нас природой, и именно теми способами, которые заложены в нас природой. Мы должны свободно «вбирать» в себя все то, что необходимо для нашей жизнедеятельности и «выбрасывать» из себя все то, что мешает ей. Эти способности касаются как системы хронификации жизни (обмен веществ) в целом, так и психических процессов в частности.

Если страх и боль – те ограничители, которые встроены в систему хронификации жизни, то агрессия и элиминация – те механизмы, которые последовательно обеспечивают процесс хронического умирания. Понимание агрессии как процесса включения в себя является оптимально удобным и полностью исключает все те ужасающие нелепости, которые нагромождены за последние десятилетия вокруг этого понятия. Агрессия как «включение в себя» и элиминация как «исключение из себя» составные части жизни как диссипативного процесса, осуществляющие тот самый обмен веществ, который традиционно рассматривается как обязательный атрибут жизни.

Агрессия как часть системы хронификации жизни, подчиняющаяся влечению к смерти, предусматривает интерес к различным объектам окружающей среды, способным так или иначе удовлетворить наши потребности. То, что мы называем интересом, аффилицией, любовью и т.п., есть различные проявления агрессивного механизма, вслед за которыми следует фиксация и деструкция – частичное или полное разрушение в целях дальнейшей инкорпорации (включения в себя). Механизм элиминации выводит из организма все те элементы, которые, оставшись в нем, могли бы привести к ускорению процесса умирания.

Система агрессии и элиминации имеет отношение как к биологическому, так и к психосоциальному функционированию. Для качественной жизни необходимо уметь не только агрессивно усваивать необходимые элементы окружающего физического мира и выводить из себя все мешающие, но и агрессивно устанавливать необходимые психологические и социальные связи, а также качественно рвать их в случае их повреждающего действия. Точно так же, как существенные нарушения в процессах усвоения и выведения различных веществ – основа практики соматической медицины, нарушения в процессах установления и разрыва социальных и психологических связей – основа практики психотерапии. Нет необходимости здесь говорить, что никакой жесткой границы при этом между ними не существует. Нет такого пациента, который бы не страдал в той или иной степени от невозможности установить те или иные связи или ассимилировать некие модели поведения, или наоборот – от невозможности разорвать те или иные связи или избавиться от тех или иных моделей поведения.

*

Что касается патологически усиленного влечения к смерти и развивающейся на этой основе авитальной активности, то даже если мы начнем рассмотрение с крайнего ее проявления – самоубийства, то, несмотря на то, что Эмиль Дюркгейм в 1897 году выбрал самоубийство темой своего знаменитого социологического этюда именно потому, что оно, как ему тогда казалось, «принадлежит к числу явлений, наиболее легко определяемых»⁵⁴, в настоящее время признается, что широкие вариации определения суицидального поведения в различных

⁵⁴ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд.– СПб., – 1998.– С. 3.

исследованиях привели к нереальности и невозможности их сравнения⁵⁵. Терминологические и методологические проблемы создают большие ограничения в интерпретации результатов⁵⁶. Во избежание путаницы сегодня даже высказываются пожелания вообще не пытаться изменить каноническое определение самоубийства Дюркгеймом. Вспомним здесь Фрейда, которого часто несправедливо обвиняют в приверженности догме, но которому принадлежит фраза о том, что «прогресс понятия не терпит закоренелости формальных определений»⁵⁷.

Терминологические проблемы возникают вследствие:

1) недефинированности многих аспектов феномена (так, например, плохо описаны и изучены различные формы пресуицидальной и парасуицидальной активности);

2) дефинитивной нечеткости многих имеющихся понятий (например, таких, как деструктивность, агрессивность);

3) дефинитивной многозначности и противоречивости (вплоть до взаимоисключения) некоторых понятий, связанных как с языковыми, так и с концептуальными моментами (например, в различных исследованиях различный смысл имеют такие понятия, как суицидальная попытка, пресуицид, парасуицид);

4) постоянного расширения сферы исследований и вторичного «размывания» границ понятий (в первую очередь от этого страдает само понятие суицидология, наряду с которой, по логике вещей, сейчас должны существовать пресуицидология и парасуицидология);

5) лингвистических трудностей переноса и/или перевода понятий с одного языка на другой (например, неадекватный перевод таких понятий, как влечение, инстинкт, тенденция).

Суицидология как междисциплинарная наука, изучающая суицидальное поведение, на сегодняшний день уже не может охватить все феномены, фактически рассматриваемые в ее рамках. Не случайно еще в 80-х годах один из ведущих американских суицидологических центров в Лос-Анджелесе был преобразован в институт по изучению аутодеструктивного (саморазрушающего) поведения. В России, как показали исследования В. Е. Кузнецова, понятия «сюицид», «сюисидолог», «сюисидология» появились в научной и общественной литературе ещё в конце XIX – начале XX веков. В зарубежной литературе термин «суицидология» появился впервые лишь в 1929 году⁵⁸.

Простота понятия «самоубийство» – не более чем обычная иллюзия повседневного мышления. Не случайно определения самоубийства нет ни в одном крупном руководстве по клинической психиатрии, изданном в нашей стране за последние десять лет. В первом русскоязычном руководстве по психиатрии, в котором «клинические аспекты суицидологии» выделены отдельной главой и, следовательно, суицидология признаётся и рассматривается как самостоятельная наука, раздел «Клинические аспекты суицидологии» начинается со слов: «Феномен самоубийства известен с давних времён...», а единственно цитируемое определение самоубийства принадлежит древнегреческому мыслителю Плинию, называвшему самоубийство «величайшей милостью, которая дана человеку»⁵⁹.

Эмиль Дюркгейм (чьей несомненной заслугой является то, что он одним из первых рассмотрел самоубийство не как этнический или клинический феномен, не как экзотическую диковинку или симптом душевного расстройства, а как феномен социальный – обществом порождаемый, в обществе существующий и с обществом связанный) дал в то же время и одно

⁵⁵ Burless C., De Leo D. Methodological Issues in Community Surveys of Suicide Ideators and Attempters.—Crisis.— 2001.— Vol. 22.— 1 3

⁵⁶ Welch S. S. A Review of the Literature on the Epidemiology of Parasuicide in the General Population//Psychiatr Serv 52:368—375, March 2001

⁵⁷ Фрейд З. Влечения и их судьба.— М., 1999.— С.118.

⁵⁸ Кузнецов В. Е. Истоки междисциплинарного подхода в отечественной суицидологии//Комплексные исследования в суицидологии. Сб. науч. тр.— М., 1996.— С. 84—93.

⁵⁹ Клиническая психиатрия /Под ред. проф. Н. Е. Бачерикова. – Киев, 1989. – С. 456.

из самых сложных определений самоубийства. Дюркгейм относил к самоубийству «каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершённого самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах»⁶⁰.

В принципе, если ограничить область интересов суицидологии только законченными суицидами, как это и делалось в начале XX века, или только законченными суицидами и суицидальными попытками, как это было принято в 50—60 гг. XX века, проблема многообразия форм суицидальной активности снимается сама собой, но цена такого упрощения слишком велика, чтобы мы могли согласиться на это.

Если Хальбваск в 1930 г. ещё считал, что область исследований суицидологии должна ограничиваться только завершёнными суицидами, то уже во второй половине XX века ведущие суицидологи однозначно высказались за то, чтобы поле суицидологических исследований охватывало и законченные суициды, и суицидальные попытки.

Суицидология достаточно быстро преодолела ограничения социологического подхода (Дюркгейм, рассматривая самоубийство как чисто социологический феномен, не считал целесообразным даже исследование индивидуальных случаев и мотивов самоубийств). Расширение исследований, особенно за счёт психологических и патопсихологических подходов, закономерно привело и к расширению поля исследований, и к появлению новых понятий. Именно с расширением сферы суицидологических исследований А. Г. Амбрумова связывает введение в 1947 году Дешэ принципиально важного понятия «суицидальное поведение». Она же подчёркивает, что изучение суицидального поведения нельзя сводить только к изучению законченных суицидов и суицидальных попыток: необходимо изучать всё многообразие этого феномена и рассматривать отдельно различные виды и типы суицидального поведения.

Расширение границ суицидологии и суицидального поведения связано с актуальностью разработки превентивных мероприятий. На различные, и особенно ранние, формы суицидального поведения еще более ста лет тому назад обращал внимание известный русский психиатр И. А. Сикорский, подчёркивая, что суицидальное поведение особенно обратимо на ранних этапах формирования. Постепенно понятие суицидального поведения стало получать всё большее наполнение. Например, В.А.Тихоненко под собственно суицидальным поведением понимает любые внутренние и внешние формы психических актов, направляемых представлением о лишении себя жизни⁶¹. Е. Шир признаёт «суицидальное поведение» как наиболее адекватный термин для определения всех сторон отношения индивида (мыслей, эмоций, словесных высказываний, действий) к возможной смерти в результате собственных действий.

Однако по сложившейся традиции в психологии под поведением понимаются только внешние проявления психической деятельности. Поэтому, в строгом смысле, понятие «суицидальное поведение» может обозначать лишь внешнюю суицидальную активность (суицидальные высказывания, угрозы, приготовления, попытки и завершённые суициды), оставляя за скобками внутреннюю психическую суицидальную активность, которая, вне всякого сомнения, также должна входить в сферу интересов суицидологии. В. Полдинжер более правильно обозначает такой «интеграл всех душевных сил и функций, имеющих отношение к суицидальному действию» как «суицидальность».

Суицидальное поведение как разновидность взаимодействия человека с окружающей средой, исходя из определения, есть результирующая внутренней (психической) и внешней (поведенческой) активности. Поэтому мы считаем более целесообразным использовать понятие «суицидальная активность». С одной стороны, активность всегда выступает в соотношении

⁶⁰ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. – СПб., – 1998. – С. 3.

⁶¹ Тихоненко В. А. Классификация суицидальных проявлений // Актуальные проблемы суицидологии. – М., 1978. – С. 59—73.

с деятельностью, с другой – её важной характеристикой является обусловленность производимых действий внутренним состоянием субъекта. Понятие суицидальной активности в своем прямом смысле включает в себя внутренние эмоционально-когнитивные процессы и внешнюю поведенческую активность, связанные с сознательным намерением прекратить собственную биологическую жизнь.

Дальнейший ход исследований настолько расширил сферу суицидологии, что буквальная трактовка термина «суицид» (убийство себя) перестала вмещать весь спектр изучаемых явлений. Во-первых, как выяснилось, суицидальная модель поведения может использоваться в самых различных, не связанных непосредственно с «убийством себя» целях. Во-вторых, многие фактически «самоубийственные» модели поведения не являются осознанными. В-третьих, изучены многочисленные модели поведения, сутью которых является причинение себе вреда, но не смерти.

Всё это привело к появлению в суицидологии таких понятий, как «парасуицид», «хронический суицид», «протрагированный (продлённый) суицид», «органический суицид», «локальный суицид», «аутодеструктивное (саморазрушающее, деструктивное) поведение», «аутоагрессивное поведение» и др.

*

Понятие аутодеструктивного (self-destructive behavior), или саморазрушающего, поведения в качестве наиболее общего чаще других используется в научной литературе. Что не лишает его, к сожалению, неоднозначной трактовки. Многие исследователи понимают аутодеструктивное поведение достаточно узко – только лишь как активность с высоким риском физического повреждения. В. А. Тихоненко под «аутодеструктивной активностью» понимает «опасные для жизни действия, не связанные с осознанными представлениями о собственной смерти»⁶². Американский исследователь Н. Табачник, наоборот, определяет саморазрушающее поведение как совершение «любых действий, над которыми у человека *имеется некоторый реальный или потенциальный волевой контроль*, способствующих продвижению индивида в направлении более ранней физической смерти»⁶³.

Из отечественных авторов наиболее последовательно понятие саморазрушающего поведения в широком смысле использовал Ю. В. Попов. Он включал в это понятие «различные действия, поступки, поведение, в результате которых вольно или невольно причиняется существенный вред себе»⁶⁴ и рассматривал в этих рамках не только суицидальное поведение (во всех его проявлениях: мысли, намерения, высказывания, угрозы, попытки), но и алкоголизм, наркомании и токсикомании.

Второе часто употребляющееся общее понятие – «аутоагрессивное поведение». Но оно содержит в своем составе понятие «агрессивности» – одно из наиболее сложных и спорных в современной психологии (к нему мы обязательно вернемся ниже), и спорность эта неизбежно переносится и на понятие аутоагрессивного поведения. Так, например, Е. Шир считает этот термин неприемлемым, потому что термин «агрессия» кажется ему прерогативой теории ортодоксального психоанализа⁶⁵. Р. Бэрн и Д. Ричардсон, рассматривая агрессию как форму социального поведения и взаимодействия как минимум двух индивидов, придерживаются определения агрессии как поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому

⁶² Тихоненко В. А. Классификация суицидальных проявлений//Актуальные проблемы суицидологии. – М., 1978.– С. 59 – 73.

⁶³ Tabachnick N. Interpersonal relations in suicidal attempts//Arch. Gen. Psychiat.– 1961.–¹ 4.– P. 16—21.

⁶⁴ Попов Ю. В. Концепция саморазрушающего поведения как проявления дисфункционального состояния личности. – Обозр. психиатр. и мед. психол. – 1994. – №1. – С.6—13.

⁶⁵ Шир Е. Суицидальное поведение у подростков //Журн. невропатол. и психиатрии им. Корсакова. – 1984. – №10. – С. 1556—1560

живому существу, не желающему подобного обращения. На этом основании авторы не относят самоубийство к агрессивным актам, так как при суициде агрессор выступает в роли собственной жертвы: «Даже если целью суицида является не смерть, а отчаянный призыв к помощи, самоубийца все-таки стремится причинить вред себе»⁶⁶

⁶⁶ Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб., 1997. – С. 30

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.